

№7

Июль 2014

ПУШКИНСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7⁽¹⁰⁵⁾
Июль 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЭТО (НЕ) ВАЖНО, ИЛИ КРАТЧАЙШЕЕ
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ДУШАМИ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 11 ВЕСЬ МИР – ТЕАТР...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 ЛЕРМОНТОВСКОМУ ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ
- 17 «САМА ЖИЗНЬ»
АННА ФАЛИПЕЕВА
- 20 «БУЛАТ – ЭТО МОЙ МАЯК!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 ПРИНЦЕССЫ СТАЛИ КОРОЛЕВАМИ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 25 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ И СЛОЖЕННЫЕ КРЫЛЬЯ
НИНА ШАДУРИ
- 34 Э.+Н.
СОФИКО ШЕВАРДНАДЗЕ
- 36 ПОСОЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 42 ТИФЛИС! ТЫ ЖИВ ВО МНЕ...
РУБЕН НАЗАРЬЯН
- 48 СЕРИЖА
АСЯ УМАРОВА
- 50 УЧИТЕЛЬ БЕССМЕРТЕН
- 54 ПРОЩАНИЕ С АКТРИСОЙ

На обложке – Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкину участниками
Международного поэтического фестиваля «Цисарткела. Юность поэзии»

ОТ ДО

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ДЕНИС ДАВИДОВ

27 июля исполняется 230 лет герою Отечественной войны 1812 года, поэту-партизану Денису Васильевичу Давыдову. Ставший легендой при жизни из-за своих ратных подвигов и чудных застольных стихов, Денис Васильевич не преуспел в быту, оставшись небогатым и «не в чинах», хотя и в генеральском гусарском мундире. Коротко с ним знакомый Государь Император вознамерился его облагодетельствовать за доблесть, назначив командиром конно-егерской бригады. Но строптивый Давыдов отверг царскую милость: «Егерям иметь усы не положено. Не стану расставаться с ними – позорно!» «Черт с ним – дураком. Пусть останется гусарским полковником», - рассердился Александр I, но потом все же произвел его в генерал-майоры, чтобы тот женился – будущий тесть отказывался отдавать ему дочь, пока не станет генералом. А еще раньше Давыдов был адъютантом князя Петра Багратиона и подраивал начальника, высмеивая его орлиный

двоих детей. Но после восьми лет супружеской жизни, Аврора с ним развелась и поселилась в Париже. Чтобы прокормиться, не без успеха, занялась живописью по фарфору, а потом стала литератором. Первый же роман «Индиана» привлек к ней внимание, а дальнейшее творчество сделало знаменитой. Кроме литературы, Санд вызывала любопытство и своими любовными романами – с

ПОЭТ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Великому Франческо Петрарке 710 лет. Что мы знаем о нем? То, что он встретил в 1327 году в церкви св. Клары прекрасную Лауру, которую полюбил на всю жизнь и увековечил в своих сонетах, а она отказалась стать его возлюбленной. И то, что эти сонеты он написал на прекрасном народном итальянском, вместо латыни, став первым национальным поэтом. Родился Петрарка 20 июля 1304 года в Ареццо в семье нотариуса, но рос в Авиньоне. Затем поступил учиться сначала в университет Монпелье, а потом на юридический факультет Болонского университета. Но юриспруденцию невлюбил и вернулся в Авиньон к папскому двору, приняв духовное звание. В 1330 году Петрарка поступил на службу к герцогу Колонна, став его личным библиотекарем. А затем, по заданию патрона, Петрарка отправился путешествовать по всей Европе в охоте за редкими книгами. Он собирал библиотеку, переписывал рукописи древних авторов и знакомился со многими современниками-интеллектуалами. Поэт прожил 70 лет. И всю вторую половину жизни был профессиональным литератором, признанным великим еще при жизни не только в Италии, но и по всей Европе.

грузинский нос. Вспыльчивый от природы Багратион, однако, не обижался на подчиненного и даже посмеивался в ответ. «Неприятель на носу!» - докладывал Денис Васильевич. «Если на твоём носу, то отступаем немедленно. А если на моём – успехом пообедать».

САМАЯ ТАЛАНТЛИВАЯ ФЕМИНИСТКА

Мужчины во все времена недолюбливали феминисток, считая это движение немножко надуманным. Но есть сейчас и были в прошлом феминистки, вызывающие всеобщее уважение своими талантами. Знаменитой французской писательнице, публиковавшейся под мужским псевдонимом Жорж Санд, исполняется 210 лет. Ее настоящее имя Амандин Аврора Люсиль Дюпен. Ее отец был из аристократов, а мать из крестьянской семьи, из-за чего отцовскую семью она почти не знала. И это ей помогло стать независимой и не надеяться на влиятельных родственников. Но в 18 лет она вышла замуж за барона Дюдевана, чтобы все было, «как у людей», и родила

Альфредом де Мюссе и Фредериком Шопеном. Она, как современная женщина с активной жизненной позицией, была ярким журналистом и даже принимала участие в Февральской революции 1848 года. Но после июня того же года, она разочаровалась в своих иллюзиях и отошла от общественной жизни, сосредоточившись только на литературной деятельности. Жорж Санд вызывала восхищение у российского читателя, среди ее почитателей были В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский.

СОВЕРШЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Так называли критики Леона Фейхтвангера – одного из самых популярных германоязычных писателей в мире. В июле этого года мы отмечаем его 130-летие. Он был сыном «маргаритинового короля» и выходцем из еврейской религиозной семьи. Леон родился 7 июля 1884 года в Мюнхене и получил прекрасное гуманитарное образование, закончив гимназию и университет, сначала берлинский, а потом и мюнхенский. Фейхтвангер изучал германскую филологию, философию и санскрит. Литературную деятельность начал рано – в 16 лет. В молодые годы стал журналистом, много писал, интересовался театром, античностью, еврейской историей, путешествовал. Воевал в Первую Мировую, но был комиссован. По возвращению домой стал активно сочинять новеллы, статьи, пьесы и начал публиковаться. Фейхтвангер открыл талант Бертольда Брехта, с которым потом дружил всю жизнь. Первый роман «Безобразная герцогиня» был опубликован в 1923 году, и сразу сделал автора знаменитым.

Приход нацистов в 1933 году заставил его навсегда покинуть родину и, после мытарств по французским лагерям интернированных, осесть в США, где и продолжилась успешная литературная карьера. Один из лучших авторов исторических романов, Фейхтвангер сумел под личиной истории рассказать современникам об их собственной жизни. Чего стоит роман «Лже-Нерон», где он предсказал судьбу фашистских бонз. У нас его много и охотно печатали. Русские читатели воспринимают Фейхтвангера своим и очень хорошо знают его творчество. Но страшно удивляются, почему в Испании не слышали о романе «Гойя, или Тяжкий путь познания».

БОЕЦ «КОНАРМИИ» С ПЕРОМ НАПЕРЕВЕС

Это сказал Корней Чуковский, а он был остроумцем и, похоже, не любил Бабеля. Многим литературным коллегам не нравилась его слава, его безупречный французский, то что его так много печатали, его близость к НКВД и к самым коммунистическим верхам. То, что Бабеля еще перед революцией, напечатал сам Горький. То, что он – начинающий, но блестящий журналист по-горьковски «ушел в люди», пойдя на фронт. То, что воевал у Буденного, где приобрел бесценный жизненный опыт и уникальные наблюдения. И то, что он явно обладал литературным дарованием, граничащим с настоящей и

всем очевидной писательской гениальностью. Его «Одесские рассказы» и «Конармия» написаны потрясающе изысканным стилем, но при том с предельной правдивостью, доходящей до натурализма. Некоторые исследователи считают, что не было в Советской России 30-х годов лучше писателя, чем Исаак Эммануилович Бабель – урожденный одессит с Молдаванки. Бабеля постигла судьба смелого, но «зарвавшегося» шути у трона – его арестовали и расстреляли. То ли Буденный за правду о Первой конной свел счеты, то ли кто-то из наркомов не простил, что писателем увлеклась жена, то ли попал под разнарядку... И мы никогда не прочитаем почти законченного романа о чекисте, который Бабель по главам читал знакомым и друзьям. А еще он был тесно связан с нашим городом – работал выпускающим редактором в тбилисской 7-й типографии на Пушкинской улице, 18.

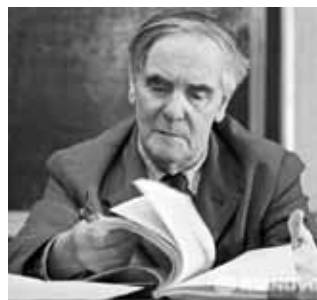
ПЕВЕЦ БАЛЕРИН И ПРАЧЕК

Среди знаменитых французских импрессионистов особняком стоит творчество чудного художника Эдгара Дега, которому 19 июля исполняется 180 лет. Среди коллег-живописцев этот парижанин явно выделялся своими манерами, образованностью, элегантностью и абсолютной уверенностью в себе, не делающую его, впрочем, спесивым и тщеславным. Дега, а правильнее де Га, родился в семье аристократов, банкиров и луизианских торговцев хлопком. В отличие от многих собратьев по искусству, он никогда не голодал. Даже тогда, когда его семья обанкротилась, Эдгар отдал свою долю наследства и стал очень грамотно распродавать свои, уже ставшие знаменитыми, картины – кризис был преодолен за пять-шесть лет. Вообще Дега был «правильным» человеком. Даже во время франко-прусской войны, он не стал «косить» от армии, как Моне и Ренуар, а пошел добровольцем на фронт вместе со своим старшим другом Эдуаром Мане. Позднее, он примкнул к импрессионистам, но так никогда не

стал среди них своим – не любил пленэр, а писал только в помещениях – в студии или в театре. Родило их мгновение, которое они мастерски выхватывали из жизни. Любимыми моделями Дега стали балерины и прачки. Но ни с одной из них у него не было романа – мсье Эдгар во все времена оставался джентльменом. А еще он за добрый десяток лет до Тулуз-Лотрека рисовал парижские кафешантаны. К сожалению, Дега очень рано стал слепнуть, поэтому в своем позднем периоде перешел с масла на пастель, что придало очарования его красивым работам. Из-за плохого зрения, он, как в кино, рисовал «крупными планами». На поминках по себе, он разрешил своему другу – художнику Жан-Луи Форену сказать о себе предельно лаконично: «Он, как и я, любил рисовать».

К КАПИЦЕ НА «КАПИЧНИК»

В его институт на капустники собиралась вся Москва. Будто это даже и не академический институт, а закулисье популярного театра. На этих вечерах собирались самые интересные люди России послушать самых интересных людей. Так Петр Леонидович Капица – великий физик, академик, лауреат Нобелевской премии и директор Института физических проблем (ИФП) – просвещал своих сотрудников. Эта талантливая научная молодежь, по мнению мэтра, должна была стать еще и разносторонне образованными людьми. У Капицы всегда работало мало людей – не более 50. Петр Леонидович хотел, чтобы они все были на виду, чтобы с каждым можно было поговорить, направить, поддержать – но, чтобы он был в курсе их дел, включал работы в план и чтобы ежемесячно перед ним отчитывались. Кроме основной работы, он давал много возможностей для научного роста – говорил, что каждый «вправе иметь свой приусадебный огород». Не зная на строгий характер, Капица, которому 8 июля исполняется 120 лет, был не тираном, а, скорее, патриархом. В молодые годы он работал в Кембридже у Резерфорда, и с тех лет сохранил потрясающе логичную и изящную систему организации производственных отношений. Его институт с научными коллоквиумами и капустниками-капичниками – был одним из островков свободомыслия в довольно душевной атмосфере советского быта.

Роб АВАДЯЕВ

ЭТО (НЕ) ВАЖНО, ИЛИ КРАТЧАЙШЕЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ДУШАМИ

Все Международные поэтические фестивали, проводимые «Русским клубом», становились событием года не только в литературной жизни Грузии, но и всех их многочисленных участников от Москвы до Никарагуа и от Стокгольма до Нью-Йорка. За эти годы наша команда столько придумала и столько увидела, что казалось, удивить нас невозможно. Но в этот раз получился особенный поэтический. Международный фестиваль «Цисарткела. Юность поэзии». А теперь – рассказ изнутри.

«Цисарткела» в переводе с грузинского означает «радуга». И как когда-то первая радуга просияла над Ноевым ковчегом в знак надежды и добра, так и наша литературная радуга стала символом теплоты и творчества. Удивительно, но нас повсюду сопровождали братья наши меньшие. Хотите верьте, хотите нет, но во время экскурсии во Мцхета над головой организатора фестиваля Николая Николаевича Свентицкого пролетел белый голубь. Фотограф, это запечатлевший, был в легком недоумении, поскольку сам он этого не заметил, а на фотографии голубь мира получился с распростертыми крыльями. Так и повелось. В Шекветили к нам приплывали дельфины. Местные жители были этому событию немало удивлены. А в Батуми от Морского вокзала, где началась экскурсия и до самого Батумского театра, где прошло торжественное закрытие, словно почетный караул, нас сопровождала старая немецкая овчарка. Но это так, небольшое отступление.

Международный поэтический фестиваль «Цисарткела. Юность поэзии» прошел с 25 июня по 4 июля. Поэтический марафон охватил Тбилиси, Мцхета, Цхалтубо, Багдади, Кутаиси и Шекветили. В каждом городе, в каждом уголке участников ждал литературный или какой-нибудь иной сюрприз. От своих «старших» предшественников фестиваль отличался не только возрастом участников, но и количеством стран, собравшихся под его знаменами. Свои молодые силы в этом году представили Россия, Беларусь, Украина, Армения, Азербайджан, Литва, Эстония и Польша. Немного, на первый взгляд. Но это только на первый. «Цисарткела» как раз стал фестивалем, где превосходят не числом, а умением.

Начался фестиваль 25 июня в столице. Со всех уголков Грузии, и это было принципиальным условием,

к нам съехались юные таланты от 14 до 17 лет. Моим первым потрясением стал Гоги Нареклишвили из кхетинской деревни Вакири. Приехав в Тбилиси, он отправился к книжным развалам и купил томик Бодлера, которым зачитывался все остальные дни. А потом, в постфестивальные дни, разразился проникновенной поэмой о фестивале, об атмосфере, о себе и о всех нас. Дело, конечно, не в Бодлере, и даже не в его любимом Артуре Рембо, а в том, что настоящая поэзия не знает границ. Она одинаково сильна и в Париже, и в маленькой грузинской деревушке. А еще фестиваль обнажил большую проблему – молодежи в регионах нечего читать. Тот же Гоги жаловался неоднократно: «В нашей деревенской библиотеке я прочел все книги до единой, новых уже давно не поступало. А покупать – дорого».

Чтобы хоть как-то исправить положение, «Русский клуб» через участников фестиваля передал в их районные библиотеки наши издания, вышедшие за последние годы.

Возраст участников способствовал тому, что привычное смущение для подобных масштабных мероприятий улетучилось в первые же минуты. Иногда возникало ощущение, что мы все давно друг друга знали, и вот, наконец, собрались.

В первый фестиваль день мы пришли в гости в Грибоедовский театр. Надо сказать, что некоторые из ребят впервые попали в театр, а были и те, кто вообще впервые оказался в столице своей родины, Тбилиси.

Премьера спектакля «Мое милое привидение», поставленного Театром-студией юного актера «Золотое крыльцо», вот уже пятый год существующего при «Русском клубе» не оставила равнодушным ни одного. Больше всего ребятам понравилось, что на сцене

играли их сверстники. Поставила спектакль художественный руководитель студии, заслуженная артистка Грузии Ирина Квицинадзе, пьесу написал Ника Квицинадзе, а музыку – Тенгиз Джаиани.

Утро следующего дня началось с возложения цветов к памятнику Пушкину в Пушкинском сквере. Надо отметить, что несколько старомодный ритуал приобрел в исполнении молодых совсем иное звучание. Впервые, они читали стихи. Пушкина в Тбилиси и Батуми, Лермонтова во Мцхета и Маяковского в Кутаиси. Многие – впервые.

После возложения цветов началась экскурсия по Старому Тбилиси. И не простая экскурсия, а с заранее припасенными «роялями в кустах». «Рояли» эти предстали в образах шарманщика, декламаторов стихов Саят-Нова и персонажа грузинской сказки Бабаджаны. Ровно в полдень мы оказались на площади Шавтели, в самом сердце Тбилиси. Здесь обосновался Государственный театр марионеток. Дело в том, что ровно в двенадцать часов на башне возле театра появляется фигура архангела и бьет в колокол, а после выходят куклы-влюбленные. Каково же было наше удивление, когда, после завершения этого восхитительного действия, поприветствовать участников вышел сам мастер – сказочник Резо Габриадзе. Вот вам еще одно чудо!

После Старого города экскурсия продолжилась в Национальном музее истории Грузии, где перед ребятами предстала выставка археологического наследия – уникальная коллекция колхского золота V-IV вв. до н.э. Вечером того же дня состоялось торжественное открытие фестиваля. Оно прошло в легендарном Зеркальном зале Национального дворца учащейся молодежи. Думаю, на этом стоит остановиться. Дворец этот, насчитывающий 200-летнюю историю, в разные годы назывался Дворцом наместника, затем Воронцовским, а наши мамы и бабушки помнят его как Дворец пионеров. Одно из самых грандиозных зданий Тифлиса, оно было построено в первой половине XIX в. Вплоть до 1917 года здесь располагалась резиденция наместников Российской империи на Кавказе. Это здание помнит множество исторических событий. Здесь 26 мая 1918 года была объявлена независимость Грузинской Демократической Республики. А через несколько дней – независимость Армении и Азербайджана. Здесь же была принята первая грузинская конституция. В 1921 году здесь обосновалось советское правительство. И только 2 мая 1941 года здание было официально передано пионерам Грузии. С тех пор в этом историческом здании «правят» юные и талантливые. Поэтому логично, что открытие фестиваля мы решили провести именно здесь – в Зеркальном зале, таком торжественном и красивом. После приветственного слова президента «Русского клуба» Николая Свентицкого в зал вихрем ворвались пары в пышных платьях и мундирах и закружились в вальсе под музыку из драмы А.Хачатуряна «Маскарад». На торжественной церемонии читали стихи, поздравляли друг друга. Были у нас и официальные гости – большой друг «Русского клуба», специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам отношений с Россией Зураб Абашидзе и заместитель министра образования и науки Грузии Лия Гигаури, а также представители дипмиссий стран-участниц фестиваля.

День завершился праздничным ужином и огромным тортом с эмблемой фестиваля.

Пятница прошла под знаком Лермонтова. К 200-летию со дня рождения поэта мы отправились к его памятнику, что стоит на Военно-Грузинской дороге. А после – побывали в древней столице Грузии Мцхета. Впечатление иностранных гостей от «кадра», «где сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры» было ошеломляющим. «Это то самое место?» - не переставали спрашивать они. Предводи-

тельствовал ребятами сам Николай Николаевич.

Ну и какая же поездка в Грузию без незабываемого застолья. А именно таковым и только таковым бывает гостеприимство еще одного друга «Русского клуба», президента компании «Сарадживили» Гуджи Бубуте-ишвили. Те, кто побывали в ресторане «Мцхетис Гуджари» - одном из лучших в Грузии, уж точно никогда этого не забудут. Ребят не только угостили невероятным обедом, но и показали, как печется знаменитый грузинский хлеб – шоти. И дали всем попробовать результат выпечки – румяный, с пылу, с жару!

И наконец, когда, казалось, впечатления уже некуда девать, настал день, и мы поехали к морю! К Черному морю, черному магнитному песку и удивительно солнечным дням. Видимо, это тоже подарок погоды – в обычно дождливом Шекветили было сухо и солнечно вплоть до дня нашего отъезда. Тогда-то и зарядил дождик. А вместе с ним – заплакали все мы! Но об этом – чуть позже.

На всех дорогах по Грузии нас сопровождали экипажи патрульной службы. Так что мы были в полной безопасности. За что выражаем благодарность Департаменту патрульной полиции и лично заместителю начальника Департамента Георгию Чантурия.

По дороге к морю нас ждало очередное чудо. Настоящее, занесенное в Красную книгу – карстовая пещера, названная именем Прометея. Под сводами из сталактитов и кальцитов, похожих то на людей, то на причудливых животных, а то и на призраки, дышится невероятно легко. Постоянная температура воздуха и зимой, и летом +15 градусов. Воздух чистейший, лечит от астмы. Ощущение одновременно восхитительное и жутковатое. А поездка по подземной реке и вовсе наводит на мысли о Стиксе. Но когда видишь свет в конце тоннеля, радуешься, что эта история – со счастливым концом.

Мы, наконец, добрались до «базы» - уютных гостиниц «Мираж» и «Альбатрос» на побережье Черного моря, в Гурии, в поселке Шекветили.

Первое морское утро началось с поездки на родину Маковского, в Багдади. Вы будете удивлены, но некоторые участники фестиваля – и грузинские, и зарубежные, услышали имя поэта-«горлана» впервые. Вот так! И потом, уже стоя у его памятника у Первой школы в Кутаиси взахлеб читали его же стихи, наскоро выуженные из интернета. И влюблялись в его творчество сразу и навсегда.

Пожалуй, самым большим подарком того дня стало посещение храма Гелати. Места, где похоронен великий грузинский царь Давид Агмашенебели.

Понедельник, как известно, день тяжелый. Мы, не проверяя этого постулата, решили приступить к занятиям. Первой поэтические чтения «Стихи у моря» провела «рекордсменка» - участница всех наших поэтических фестивалей, замечательный поэт и драматург Елена Исаева. Поскольку участников было очень много, их разделили на группы. Таким образом, каждый мог прочитать по несколько своих стихотворений. А это важно. Важно еще вот что – все в один голос твердили под занавес фестиваля, что стали смотреть на свой талант, увлечение, занятие – как хотите – гораздо серьезней. Ведь главной идеей, вынесенной из всех мастер-классов и поэтических чтений было следующее: нужно много читать и нужно относиться к поэзии серьезно! Очень серьезно! Как отметила во время своего семинара эстонская участница Елена Скульская, наши юные поэты сейчас именно в том возрасте, когда нужно решать – будут ли они профессионально заниматься поэзией, станет ли она ремеслом, станет ли она смыслом жизни?

Удивительные мастер-классы провел для грузинских ребят детский поэт Заза Абзианидзе. Он также

презентовал свою новую книгу детских стихов «Бусунсулеби», которую получили в подарок все участники. Для русскоязычных ребят провел мастер-класс самый известный детский поэт России, лауреат премии С.Маршак и А.Чехова, переводчик и добряк Михаил Яснов.

Запомнились мастер-классы бакинки Алины Талыбовой, минчанки Валентины Поликаниной и москвички Елены Ивановой-Верховской. Каждая встреча со взрослыми поэтами – это урок не только профессиональный, но и жизненный.

В рамках фестиваля состоялась презентация батумского детского литературного журнала «Згваури». Он уникален тем, что все материалы, публикуемые в нем, пишут сами дети – участники одноименной литературной студии, которую возглавляет замечательный поэт и педагог Белла Кебурия. Там же прошла презентация сразу трех (!) поэтических сборников 14-летнего батумского вундеркинда Ники Путкарадзе.

А вечер того незабываемого дня завершился поездкой в парк развлечений «Цидинатела». Экстрим и восторженные визги – все, как полагается!

Ну а вечерами, отдохнув от поездок и занятий, мы танцевали босиком на песке. В этом нам помогали диджеи Duga&Jobika. В один из дней свой концерт подарили нам воспитанники музыкальной студии «Бзикеби» - между прочим, дважды победители детского Евровидения в 2008 и 2011 годах!

В предпоследний день фестиваля, когда ветерок расставания уже доносился с моря, мы разожгли огромный костер. Такой огромный, что песок вокруг него раскалился в радиусе чуть не десяти метров. И мы танцевали вокруг костра, водили хоровод, пели и смеялись. Случилась у нас на фестивале и любовь. Первая и настоящая. Ереванский участник Геворк Мартиросян влюбился в красавицу из Беларуси Надю Мисякову. Надо отдать должное юному Ромео – он преодолел все преграды, нарвал возлюбленной цветов, спел песню, станцевал красивый танец и даже умудрился подарить ей колечко. Его храбрости и решительности рукоплескали все!

И вот – финал десяти фестивальных дней. Мы едем в Батуми. С утра – на экскурсию, затем в Батумский дельфинарий, ну а вечером – в гостеприимный Батумский государственный театр им. И.Чавчавадзе. Там прошла торжественная церемония закрытия. Зрители овациями встречали каждого участника, выходившего на сцену, а сама сцена была украшена флагами стран-участниц.

Поздно вечером, уставшие от дороги и переживаний, мы вернулись в гостиницу. Никто и не думал ложиться спать. Всю ночь не прекращалось хождение друг к другу, слезы, подарки и стихи на память.

А утром пошел дождь. Плакали все – и большие, и маленькие, и мальчики, и девочки! Не хотелось расставаться! Ведь мы уже, по меткому выражению одной из участниц, «родное семейство поэтов!»

И это все – только малая доля впечатлений и эмоций, пережитых за десять коротких дней. Если сосчитать все смайлики и сердечки, посланные ребятами друг другу за эти дни, то их число уж точно перевалит за миллион! Нет единицы измерения, чтобы вычислить то количество любви, добра, заботы и привязанности, что были отданы друг другу в эти дни!

*«Спасибо тебе, «Русский клуб»!
За десять прекрасных дней!
За то, что вступила я в круг
Блиzkих по духу людей!
Спасибо за чудную сказку,
О которой не смела мечтать!
Спасибо, что снял с меня маску,
В которой так трудно дышать!»*

Ребята подготовили для организаторов сюрприз и сняли видео со словами благодарности и любви!

А это – послесловия наших участников.

«День первый: выдает мозг вопрос – «Что я тут делаю?!»

День второй: понимаешь, что сюда попадают единицы...

День третий: если понимаешь, что сюда попадают единицы, неизбежно, чтобы четвертый день не прошел в новых размышлениях и вопросах...

День четвертый: очередной вопрос к своему «Я»: если сюда попадают единицы, то откуда здесь я?!

День пятый: в этой «семье» подобные вопросы не должны тебя беспокоить...

День шестой: понимаешь, что любишь этих людей до душевной боли...

День седьмой: охватывает фобия...

День восьмой: «хеппи-энд» приближается...

День девятый: самый мучительный день... Когда ты уже осознал, где ты, с кем ты, что ты тут делаешь... Хотя в этом осознании к тебе приближается финал сказки... Последние страницы сказки перелистнулись в девятую ночь... У костра... В морском шуме я отчетливо слышала голос «ниоткуда»: «Неужели в твоей жизни случится что-то лучшее, чем это?!»

День десятый: множество вопросов... Хотя иногда вопросы ведь лучше, чем ответы?! Вот и вопрос пусть остается вопросом! «Неужели в твоей жизни случится что-то лучшее, чем это?!»

С любовью, ваша Ани Шелия».

«Когда я ехал на фестиваль, у меня было много разных целей, из которых некоторые осуществились. Я верил, что любовь дана человеку в размере одной определенной дозы, и чем больше знаменатель, тем меньше достается другим людям. Но на этот раз моя гипотеза рассыпалась в прах! Давид Думбадзе».

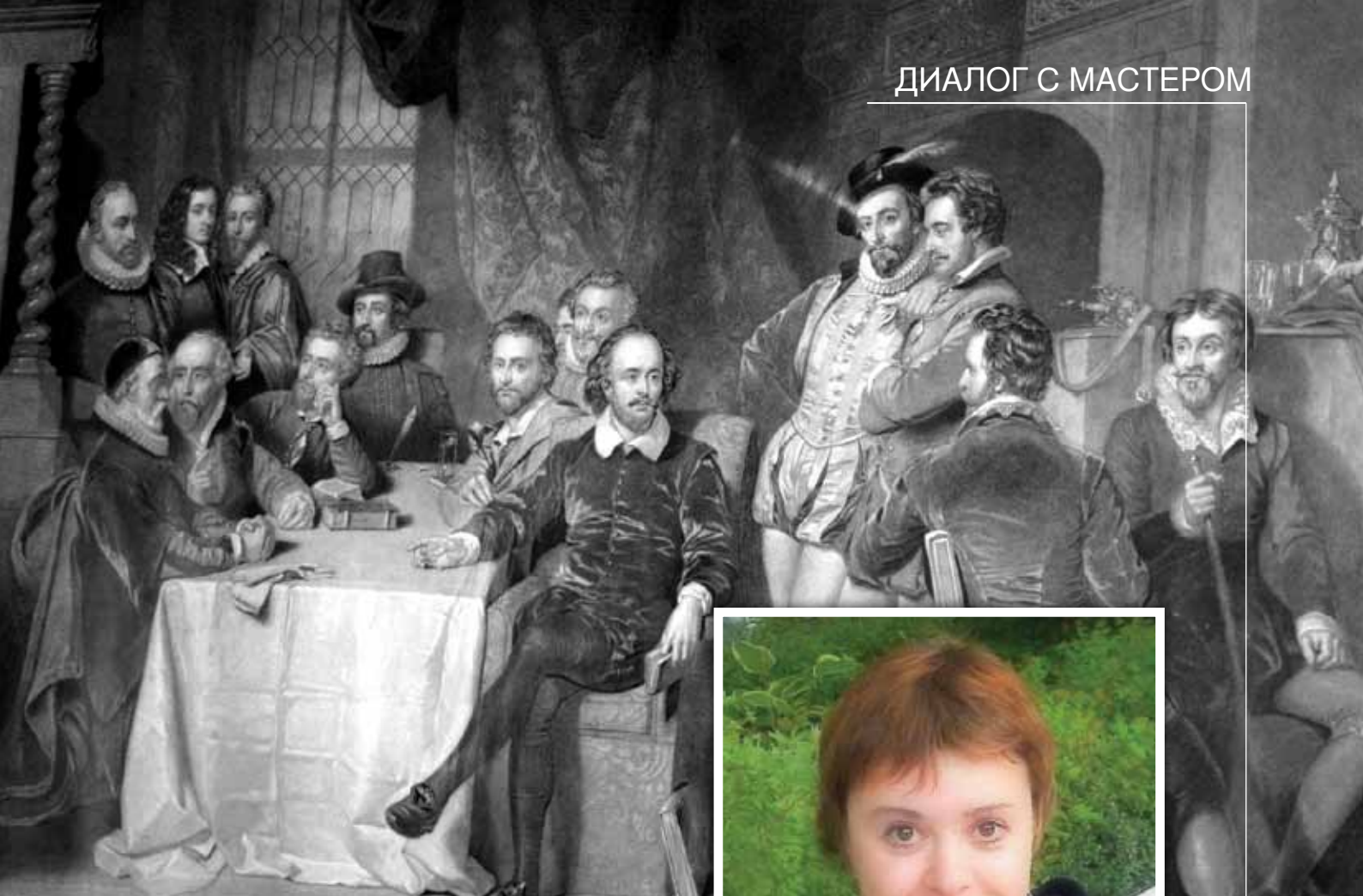
Фестиваль доказал, что он нужен. Эти юные поэты – будущее своих стран.

Во-первых, потому, что ребята стали серьезней относиться к своему дару и творчеству. Во-вторых, многие грузинские участники, которые в первые дни ни слова не понимали по-русски, к его концу заговорили на великом и могучем. И еще. Удивительно, но факт. Единодушно любимым русским поэтом грузинских участников назван... Сергей Есенин. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное. Так уж получилось, что девизом фестиваля стали выкрикнутые нашим участником из Гори Георгием Калхиташвили слова: «Люди, послушайте, это неважно!» Неважно все, кроме поэзии, кроме душевного родства, кроме единства, кроме моря и памяти друг о друге. А потом, уже разъезжаясь по домам, все, не сговариваясь, в один голос закричали: «Это важно!»

И если верить в то, что поэзия – это кратчайшее расстояние между душами, и в то, что путь этот нами пройден, то становится очевидным – это действительно важно!

P.S. Уже когда материал верстался, получила сообщение в фестивальной группе на фейсбуке от участницы из Рустави Мари Джалагония: «Уже столько всего сказано и нового я ничего не добавлю. Я скучаю по вас. Очень. По всем без исключения. Не думала, что эта кратковременная поездка способна что-то изменить. Спасибо вам. Еще я настолько привыкла, что утром нацепила бейджик. Так что собирайтесь, пора увидаться. Все обязательно будет хорошо. Теоретически. Практически. Логически. Дедуктивно. Индуктивно. По статистике. По теории больших чисел. По Фрейду. По Ницше. По Дарвину. По-любому!»

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Анна Шульгат

ВЕСЬ МИР – ТЕАТР...

Театральный критик, историк театра, переводчик, специалист по английскому театру Анна Борисовна Шульгат в юбилейные дни размышляет о значении драматургии Уильяма Шекспира, о его интерпретациях на современной сцене.

- Анна, расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах у вас возник профессиональный интерес к творчеству великого английского драматурга?

- Я занималась театром эпохи Реставрации, менее известным у нас, - это конец XVII – начало XVIII века. А когда занимаешься театром, да еще с английским языком, мимо Шекспира пройти сложно. К тому же у меня семейный интерес к английскому театру. Моя мама – преподаватель английского языка и по второму образованию театровед. Можно сказать, что я росла в окружении книг, и интерес к театру прививался мне очень рано. Между прочим, одни из первых постановок Шекспира, которые меня потрясли, были грузинские спектакли – постановки Роберта Стура, осуществленные на сцене театра имени Ш.Руставели в 70-80-е годы. Их привозили в Москву, Ленинград, и я до сих пор помню, как еще ребенком видела «Ричарда III» с Рамазом Чхиквадзе на сцене БДТ и какое сильное впечатление это на меня произвело. У моего поколения достаточно рано появились возможности поехать и посмотреть в лондонском

«Глобусе», Королевском Шекспировском театре или в Национальном театре и «Гамлета», и «Короля Лира». Я активно сотрудничаю с английскими и американскими исследователями. А в России Шекспира вообще считают своим драматургом. И «Гамлет» - «русская» пьеса, без нее мы не представляем себе жизни! К тому же не могу не упомянуть книгу выдающегося польского театроведа и литературоведа, эмигрировавшего в США, Яна Котта «Шекспир – наш современник». В ней он высказывает интересную мысль, что в XX веке Шекспир гораздо понятнее и грузинам, и русским, и полякам, и югославам, потому что их история, пережитые ими трагические катаклизмы ближе тому, что написано английским драматургом.

Очень важны культурные пересечения. Я работаю в англо-русском журнале «Изучая Станиславского». Недавно для себя открыла, что Станиславский оказал очень сильное влияние не только на американский, но и на английский театр. Был замечательный исследователь Жан Бенедетти, основавший архив, посвященный Станиславскому в одном из английских театральных колледжей. А вот сейчас мы делаем двуязычный журнал, где опять и российские, и британские, и французские, и американские исследователи пишут о том, как они смотрят на Вахтангова, Станиславского, Мейер-

хольда, Михаила Чехова, на все эти связи между культурами. У знаменитой финской исследовательницы творчества актера и педагога Михаила Чехова Лийсы Бюклинг раньше появилась возможность поехать в США, Англию и исследовать архивы Михаила Чехова, в то время как для советских исследователей долго существовал железный занавес. Знаменитая американская писательница, литературный, художественный, театальный кинокритик, режиссер театра и кино Сьюзен Зонтаг сказала, что литература – это паспорт в большой мир, в какую-то зону свободы. Так что и театр, и Шекспир – это действительно то, что дает нам возможность и физически, и психологически открывать для себя какие-то новые сферы. Опять-таки, я еще и переводчик, и театальный менеджер, и координатор различных театральных проектов, поэтому у меня есть возможность много общаться с представителями самых разных культур. Однажды я встретила человека из Филиппин, и он объяснил мне, что для филиппинского театра Горький и Чехов играют огромную роль. Ведь Филиппины – это архипелаг, и там на маленьких островках звучат разные языки, на каждом острове своя театральная культура. А Горький и Чехов переведены на официальный язык Филиппин, поэтому наши классики – объединяющий момент театральной культуры страны. Чехов в Ирландии был гораздо быстрее понят и признан, чем в Англии. Для меня очень важны театральные ощущения, связанные с грузинским театром. Мне, к примеру, трудно смотреть какой-то американский спектакль «Ричард III», потому что я вспоминаю Рамаза Чхиквадзе, тот легендарный спектакль... Мне не хватает той глубины, страсти, что была в спектакле Стуруа. Грузинский театр – действительно один из лучших в мире. Кстати, грузинская сценическая традиция перекликается с русской, но при этом она совершенно другая, очень яркая. А такие личности, как Верико Анджапаридзе, Тенгиз Абуладзе? Приподнятость над жизнью – это так свойственно грузинской культуре! Сколько на такую небольшую страну приходится великих писателей, хореографов, танцовщиков, певцов, композиторов, режиссеров, художников? Я чувствую огромную благодарность грузинской культуре!

- Анна, я понимаю, что это очень большой вопрос. Но все-таки: как сегодня интерпретируют Шекспира? Что в этом плане изменилось?

- Опять отталкиваюсь от Яна Котта, который еще в 60-е годы писал о феномене Шекспира – нашего современника, в частности, драматург очень повлиял на Питера Брука, на его знаменитые шекспировские постановки, где внедрялась новая эстетика холста и металла. Что касается современных интерпретаций Шекспира, то тут,

на мой взгляд, существует четкое разделение – как его интерпретируют в англоязычном мире и в тех странах, где его играют на своем языке – в той же Польше, России, Грузии, Германии, Италии. Эти страны, конечно же, более свободны в своих трактовках, чем в Англии или США. Я присутствовала на многих дискуссиях, где знаменитые американские актеры – такие, как Питер Фолк, говорили о том, как им хочется играть Шекспира, но как это сложно – работать с шекспировским текстом. Считают, что Шекспир принадлежит, в первую очередь, Англии. В первую очередь потому, что это английский язык, хотя достаточно старый и огромное количество лексики просто не употребляется. Я видела «Макбета» со знаменитым английским актером Патриком Стюартом. Вот он тоже говорит, что в спектакле изменили буквально одно слово. Дело в том, что англичане очень трепетно относятся к тексту. В 60-е годы все было очень бурно, тот же Питер Брук, можно сказать, хулиганил. А сейчас, мне кажется, немного другая ситуация: они именно за текст очень держатся. В то время как в России свободно компилируют переводы. К примеру, «Гамлет» в Александринском театре в постановке Валерия Фокина идет в сокращенном варианте. Взято несколько вари-

антов переводов – что-то показалось удачно у Михаила Лозинского, что-то – у Бориса Пастернака. К тому же талантливый драматург Вадим Ливанов все это соединил и переработал, что вызвало много дискуссий и возмущения. Недовольные зрители говорят: это не Шекспир, мы так Шекспира не видим. Опять же приходим к тому, на чем настаивал великий русский режиссер Всеволод Мейерхольд: режиссура – искусство авторское, а не исполнительское... Если режиссер талантлив, если у него очень интересные идеи, если это делается не ради эпатажа, то на сцене все может быть даже очень жестко, авангардно, радикально, но все равно работает! Я видела спектакль «Лир», поставленный Константином Богомоловым по мотивам трагедии Шекспира на сцене театра «Приют комедианта». Он много нашел сторонников, но я, к сожалению, не из их числа. Потому что, на мой взгляд, театально спектакль не очень интересен. Я понимаю, что хочет сказать режиссер Богомолов, проводящий жесткие параллели между «Королем Лиром» и немецкой, русской историей XX века, с нацистской Германией и Советским Союзом. Когда Лир оказывается в пустыне, то звучат тексты про карательную психиатрию, которую проводили над советскими диссидентами. Зву-

чат тексты выдающегося еврейского немецкоязычного поэта Пауля Целана, Фридриха Ницше... Но меня спектакль совершенно не затронул. Умным давно известно, а дуракам не интересно, как говорил дядя Ваня. Что ж, Шекспир поразительно вмещает в себя весь мир!

Видела «Короля Лира» на сцене Малого драматического театра, постановка Льва Додина... Когда они решили ставить пьесу, то пришли к выводу, что им не нравится ни один из существующих переводов, и тогда сотрудник театра Дина Додина стала создавать подстрочник, а актеры все это разминали на сцене. Когда отказываешься от прекрасной поэзии, которой в драматургии Шекспира примерно половина, то перевод звучит как абсолютная калька... Если есть какой-то элемент «занижения» текста, то обязательно должны присутствовать контрасты. Я большая поклонница барочной культуры, предполагающей соединение несоединимого – высокого и низкого. Опять-таки, речь идет об английском театре, где классицизм с его ограничивающими канонами не прижился. Английской сцене были чужды принципы единства времени, места и действия, и у Шекспира они решительно нарушаются – действие происходит где угодно и когда угодно...

Феномен Шекспира в том, что каждый найдет в его произведениях то, что соответствует его глубине, уровню. Если человек захочет нырнуть в эти глубины и разгадать эту потрясающую поэзию, то откроет для себя много интересного. Возьмем пьесу «Генрих V» - ее у нас практически не ставят. Как поразительна эта история ухаживания Генриха V за французской принцессой Кейт, когда она говорит на ломаном английском, а он – на ломаном французском языке. Когда она отказывается ему в поцелуе, ссылаясь на то, что не пристало незамужней французской девушке принимать поцелуй мужчины, а он отвечает, что традиции создают короли. Да, грандиознее Шекспира в мировой традиции вряд ли кто-нибудь найдется. Очень важно, чтобы люди при обращении к Шекспиру не упрощали его. Можно его осовременивать, пародировать, создавать какие-то карикатуры на ходульные постановки. Это тоже давние традиции – помните у Марка Твена бродяги, пытающиеся зарабатывать актерским трудом, произносили шекспировские тексты, ужасно их перевирая. Я удивляюсь неисчерпаемости Шекспира! Если люди говорят – текст устаревший или его слишком много, но все-таки обращаются к Шекспиру, значит, они понимают, что этот сюжет, эта эстетика, этот мир, созданный Шекспиром,

им необходимы. Ставят спектакли, где все роли играют мужчины или, наоборот, женщины. Придумывают, как в Англии или США, что Яго будет играть чернокожий артист, а Отелло – белокожий. Эти эксперименты на Западе очень распространены. В театре «Глобус», где проходят Шекспировские фестивали, идут постановки со всего мира. Лет десять назад русские коллективы они не приглашали. А я им рассказывала, какие существуют русские, грузинские, литовские спектакли. Но для них все должно было идти без перевода и без искусственного освещения. И желательно без сокращений. Англичанам было очень важно аутентичность соблюдения. Им не хотелось, чтобы в спектакли было внедрено много современных технологий... Поэтому они пригласили однажды «Макбет» в постановке коллектива из Южной Африки – актеры как бы разыгрывали сюжет, и только. Но, видимо, ситуация на сегодняшний день меняется. В этом году Юрий Бутусов привозил в «Глобус» спектакль «Мера за меру» - авангардный, современный. Англичане, видимо, начинают понимать, что нужно видеть разное Шекспира, на разных языках. Значит, нужны переводы. В США, например, вообще не любят смотреть постановки на иностранных языках. Я видела полупустые залы на прекрасных польских спектаклях режиссеров Кшиштофа Варликовского, Кристиана Лупы. Это мы воспитаны на том, что «Макбет» может звучать на литовском, «Ричард III» - на грузинском.

- Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями от шекспировских постановок последнего времени. Были ли потрясения?

- Да, я видела в США спектакль, который меня совершенно потряс. Его поставил экспериментальный театр «Вустер групп», существующий еще с 60-70-х годов. Это, скорее, европейский театр, театр-дом, который возглавляет Элизабет Леконт – по профессии архитектор, скульптор, занимавшаяся анимацией. «Вустер групп» - концептуальный театр, близкий по своим поискам в чем-то Всеволоду Мейерхольду, в чем-то – Сергею Эйзенштейну. Существует совершенно барочная идея «сопряжения далековатых идей», высказанная еще Михайло Ломоносовым – то есть когда берутся контрастные идеи, которые, на первый взгляд, невозможно соединить. «Вустер групп» занимается этим постоянно. Так, они взяли американского драматурга Артура Миллера и соединили его с дневниками битников. Артур Миллер – это один взгляд на мир, а Джек Керуак и другие представители литературы бит-поколения – совершенно другой. А что они сделали с «Гамлетом»? В 1964 году Лоуренс Оливье поставил «Гамлета» со знаменитым англо-американским актером Ричардом Бар-

тоном. Спектакль они на сцене не играли, а записали его на пленку и показывали в 2000 кинотеатрах США. Потом эту пленку уничтожили. Вот такие были эксперименты в 60-е годы! Это называлось телетеатром. Итак, пленки были уничтожены, но, как всегда, в Кентукки или Айове была обнаружена последняя пленка. В «Вустер групп» ее восстановили, как могли – просто технически. И свой спектакль попытались играть в поддан тому, что происходит в фильме-спектакле – актеры воспроизводят происходящее, и возникает ощущение абсолютной магии. Души тех актеров вселяются в этих. Технические идеи и задачи соединяются с какими-то невероятными психологическими вещами, с голосами из 60-х годов, с которыми мы начинаем переключаться. Там возникли кадры из других «Гамлетов» - Лоуренса Оливье, Кеннета Брана. У меня было ощущение «Последней ленты «Гамлета» по аналогии с «Последней лентой Крэппа» С.Беккета. Нам дали возможность подумать обо всех интерпретациях «Гамлета», может, вспомнить какие-то свои ассоциации. Спектакль был воспринят очень неоднозначно – говорили, что все это шарлатанство.

- *Что вы скажете о трактовках самой русской пьесы Шекспира – «Гамлета»? Какой Гамлет вам ближе всего?*

- С «Гамлетом» очень сложно – существует масса интерпретаций. Вспоминается Гамлет Акимов – обжора, который хочет только одного – власти. Мне, конечно, ближе Гамлет-философ, отчасти безумец. Гамлет Смоктуновского. Что касается Лоуренса Оливье, то он очень красивый, с красивым произнесением текста. Но я отдавала предпочтение Гамлету Смоктуновского. Что касается грузинского «Гамлета» в постановке Стурра, то мое восприятие неоднозначное. Мне очень понравились его «Макбет», «Двенадцатая ночь». Герои спектакля «Макбет» были такими неожиданно красивыми и молодыми, и у них, вероятно, была бы совершенно другая история, если бы они не пошли по преступному пути. Что касается трактовок Гамлета... Я видела Гамлета Константина Райкина, других современных актеров в этой роли, но не скажу, что меня что-то особенно потрясло.

- *Вам нравятся шекспировские интерпретации литовского режиссера Оскараса Коршуноваса «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой»?*

- Да, нравятся. А в спектакле «Укрощение стропти-

вой» на сцене питерского Александринского театра он создал чудесную атмосферу театральной игры. У нас очень часто в постановках этой комедии выбрасывается интродукция, хотя она очень важна. Ведь вся эта история разыгрывается перед Слаем – пьяницей, над которым решили подшутить. Слая одели в хорошую одежду, и когда он проснулся, ему сказали: ты граф, а вот твоя жена. И он в похмельном состоянии смотрит историю «Укрощения строптивой» - это театр в театре! Весь мир – театр, а люди в нем – актеры! Кстати, авторство этой фразы традиционно приписывается Уильяму Шекспиру, но первоисточник шекспировских слов – сочинения римского писателя Гая Петрония. Его строка «Mundus universus exerceat histrioniam» украшала здание театра «Глобус», для которого писал свои пьесы Шекспир. Коршуновас передал ощущение того времени – все в спектакле пронизано театральным духом. Короли в шекспировскую эпоху не только ходили в театр, но и писали пьесы. Существует теория, что «Макбета» заказал Яков I Стюарт, увлекавшийся колдовством. Аллегорические маски, придворные спектакли – сама культура была настолько театральной по сути, что консерватизм постановок советского разлива был совершенно неправильным. А вот Коршуновас предлагает театральную игру. Его Слай – это современный парень, рассказывающий с бутылкой виски свою историю о девушке, с которой они разошлись, потому что он не смог ее укротить. Он действительно пьяница, а его жену изображает какой-то мальчик... В спектакле актеры появляются на сцене, одетые в трико, а костюмы висят на манекенах. Ощущение театральной игры, метатеатральности поразило меня! Удачный режиссерский ход помогает и молодой аудитории как-то войти в эту историю. Оскарас Коршуновас умеет найти ключ к произведению и приотворить эту дверку для всех, в первую очередь для молодых, открытых людей – не для тех, кто приходит в театр, чтобы посмотреть то, что они уже давно знают, прочитали... А еще Коршуновас поставил спектакль «Миранда» по «Буре», причем придумал любопытную историю, в которой всего два персонажа – Просперо и его дочь Миранда, больная, возможно ДЦП, девочка. Все, что происходит в спектакле, - это фантазия отца, стремящегося развлечь дочь. Персонажи пьесы оказываются плодом воображения Просперо.

- *Если не возражаете, перейдем от Шекспира к другой яркой фигуре на театральном небосклоне: Станиславский. Некоторые скептики у нас воспринимают его уроки как анахронизм.*

- У нас похожая ситуация. Грянула перестройка – и все бросились заниматься Мейерхольдом, Михаилом Чеховым. Однако лучшие художники стараются сочетать разные методы, найти что-то полезное для себя у Вахтангова, у Станиславского, у Брехта. Почему Римас Туминас пришел к двору в театре Вахтангова? Его игровая стихия нашла отклик у вахтанговцев. Существует представление, что Станиславский – это нечто ретроградское, почти марксизм-ленинизм, а Мейерхольд – это то, с чем переключается весь мировой театральный авангард и идет по его следам. Действительно, Мейерхольд выбил для режиссера право быть автором спектакля. Тем не менее со всем этим Мейерхольд часто обращался к театральной традиции – комедии дель арте, японскому театру. Уже в 30-е годы, когда в Москве с большим успехом гастролировала Пекинская опера, он написал статью, в которой выразил свое отчаяние: дескать, мы придумали биомеханику, разные тренинги, занимаемся остракизмом театра, чтобы как-то размять

драматического актера, а приезжает китаец, шевельнул одним мизинчиком и выразил этим гораздо больше, чем мы целой сценой. Да, Мейерхольд часто обращался к традиции – например, восстанавливает систему амплуа. В 1923 году он говорил, что Чацкий согласно этой системе – простак. А вот Станиславский с системой амплуа боролся. Многие стало понятно с открытием российских архивов, доступом в зарубежные архивы в последние годы. Станиславский ведь в своем стремлении все время освежать источник, из которого питается актер, дошел практически до йоги. И поэтому не зря один из величайших деятелей театра Ежи Гротовский говорил о том, что мы продолжаем дело Станиславского. Многие великие режиссеры были учениками Константина Сергеевича – тот же Мейерхольд, Вахтангов, Сулержицкий. Так что устарело только подвергнутое жесткой цензуре издание его трудов, а не методика сама по себе. Если читать Станиславского незамыленным глазом, то он может реально помочь актеру. Борис Зон, первый педагог, принесший в ленинградскую театральную школу систему Станиславского, воспитал таких учеников, как Алиса Фрейндлих, Лев Додин, Наталья Тенякова и многие другие. Он был прямым учеником Константина Сергеевича, таким образом, Фрейндлих, Тенякова – его «внуки». Все зависит от того, как понимать, как использовать метод. Можно и биомеханику Мейерхольда исполнять механистично... На Западе актеры могут тебе предъявить список пройденных ими курсов методики Михаила Чехова, театра кабуки и т.д., а потом выйдут на сцену и смотреть не на что. Можно всю жизнь что-то изучать и ничему не научиться, а можно однажды найти то, что тебя лично подпитывает. Между прочим, есть талантливые, живые, органичные актеры, о методе сценического существования которых даже трудно говорить. Так, гениальность Иннокентия Смоктуновского была на грани безумия. Он был крайне неуравновешенным человеком. То же самое говорят о Марлоне Брандо. Актерская профессия – достаточно «кровавое» дело. Конечно, русская актерская школа отличается от европейской. Потому что Дидро, Гете, Шиллер и иже с ними писали бесконечные театральные трактаты, в которых актера воспитывали таким образом, чтобы он был одновременно и драматургом, и аналитиком. Актер должен все осмыслить – и никаких страстей. Немецкий, английский театр прекрасен, но русскому актеру очень трудно в нем существовать.

- Анна, вы – коренная петербурженка. Любимый всеми БДТ имени Г.Товстоногова возглавляет сегодня Андрей Могучий. Как оцениваете уход Темура Чхеидзе из этого театра?

- Думается, уход Чхеидзе связан и с проблемой самого БДТ. Георгия Товстоногова нет уже с 80-х годов, но все равно это настолько мощная была сила, что многим людям по инерции кажется: вот, Товстоногов! Хотя лучшие спектакли, на мой взгляд, Георгий Александрович все-таки поставил в 60-70-е годы... В смене руководства БДТ проявилась тенденция «сажать на царство» более молодых режиссеров. В советские времена 50-летний режиссер считался совсем еще молодым. А нынешний руководитель БДТ Андрей Могучий, которому 50 с лишним, уже очень титулованный, знаменитый. Кстати, он пришел в театр из совершенно другой сферы – по первому образованию Андрей Могучий авиаинженер. Что ж, театральным новатором Анатолий Васильев по первой профессии – химик. Кстати, из врачей тоже получаются хорошие драматурги, режиссеры. В последнее время я жалею, что не имела возможности

овладеть техническими знаниями. У меня прекрасные друзья-переводчики по профессии – физики-ядерщики. Раньше существовало пресловутое разделение на физиков и лириков. Сьюзен Зонтаг написала в свое время статью «Единая культура и новая чувствительность». Она утверждала, что люди уже не разделяются на физиков и лириков, что на самом деле необходимо единое восприятие, что удовольствие можно получить как от «Beatles» или стихотворения Боба Дилана, так и от решения теоремы. В связи с этим вспоминаются композитор-химик Александр Бородин, писатели-врачи Антон Чехов, Михаил Булгаков, Викентий Вересаев, Фридрих Шиллер, Сомэрсет Моэм. Не говоря уже о Возрождении, лучшие представители которого были одновременно монахами, врачами, астрономами, скульпторами, живописцами. А если возвратиться к теме воспитания режиссеров, то это происходит во многих российских вузах. Но почему-то все равно приглашаем литовцев, поляков, болгар и т.д. Значит, нам чего-то не хватает? Римас Туминас возглавил театр Вахтангова, Миндаугас Карбаускис – театр Маяковского. Кирилл Серебряников пришел в театр тоже со стороны – из физиков... Все это говорит о том, что в самой системе воспитания

русских режиссеров что-то не так. Возможно, очень не многие великие могут и хотят воспитывать учеников. Есть, конечно, исключения: у Анатолия Васильева есть очень сильные ученики. Тот же Борис Юхананов, возглавивший московский театр имени К.Станиславского, или Клим – художественный руководитель Центра драматургии и режиссуры. Сам Анатолий Васильев учился у Марии Кнебель и Ежи Гротовского. Кстати, Товстоногов при всей огромной любви к нему, не оставил сильных учеников. Та же проблема сегодня у Льва Додина. Выпускники его актерско-режиссерских курсов работают актерами. А Дмитрий Волкострелов, учившийся у Додина, резко ушел из Малого драматического театра и стал заниматься совершенно другими вещами – провокативными постановками. Это – анти-Додин. Ведь театр последнего построен на глубочайшем психологизме, внедрении в текст. А вообще очень трудно быть учеником большого мэтра. Мне кажется, в Литве, Польше все время подрастает режиссерская смена. В то же время Миндаугас Карбаускис, Оскар Коршуновас относятся уже к поколению 40-летних...

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЛЕРМОНТОВСКОМУ ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Лермонтовский юбилей Международный культурно-просветительский Союз (МКПС) «Русский клуб» отметил вместе с банком ВТБ, который выступил спонсором проекта, посвященного 200-летию со дня рождения великого русского поэта. В древней столице Грузии – Мцхета, у подножья монастыря Джвари, воспетого Михаилом Юрьевичем в поэме «Мцыри», прошел торжественный вечер-прием – литературно-музыкальное представление, собравший представителей Грузии и России.

Вечер, который открыл вице-президент банка ВТБ Александр Ерофеев, вел президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий. Конечно же, на этом вечере звучали произведения, связанные с именем Лермонтова. Можно сказать, что «главной героиней» стала поэма «Мцыри», которую прочли на русском и грузинском языках заслуженная артистка Грузии Людмила

Артемова-Мгебришвили и актер Каха Микиашвили. Стихи сопровождалась одноименной симфонической поэмой Отара Тактакишвили в исполнении симфонического оркестра под управлением заслуженного деятеля искусств Грузии, лауреата Государственной премии Грузии Реваза Такидзе. А художница Нонна Гиунашвили иллюстрировала текст «Мцыри» уникальными художественными композициями на песке. И кружились в знаменитом вальсе из балета «Маскарад», поставленного на музыку Арама Хачатуряна, танцоры хореографической группы под руководством Давида Метревели. И исполняли романсы на стихи Лермонтова солистка Грузинского театра оперы и балета имени Захария Палиашвили Элене Джанджалия, ансамбль «Форте», вокалисты, руководимые композитором, концертмейстером Нуцей Джанелидзе...

На вечере присутствовали спецпредставитель премьер-министра Грузии по вопросам отношений с Россией Зураб Абашидзе, губернатор региона Мцхета-Мтианети Давид Мачханели, представители Миссии наблюдателей Евросоюза в Грузии, деловых кругов и общественности Грузии.

Еще в канун нынешнего, юбилейного лермонтовского года МКПС «Русский клуб», следуя своей давней традиции отмечать подобные даты, выпустил памятный карманный календарь, посвященный 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича. А на вечере в Мцхете было презентовано уникальное издание поэмы «Мцыри», выпущенное «Русским клубом» при поддержке банка ВТБ. Это книга-билингва, в которой, наравне с оригинальным текстом, приведены переводы поэмы на грузинский язык классиком грузинской литературы Ильей Чавчавадзе и известным переводчиком Давидом Гачечиладзе. Иллюстрации тбилисских художников Мзии Мchedlishvili и Арчила Кухианидзе.

Соб. инф.

▲ Булат Окуджав

«САМА ЖИЗНЬ»

О прозе Булата Окуджав

Булат Окуджав – писатель особый. Как не похож он на собратьев по перу, которые, запечатлевая на бумаге собственные прозрения, одновременно заботятся об эффектности фразы! Его манера петь и писать стихи на первый взгляд кажется неприятельно простой и простодушной. Но это только на первый взгляд. За внешней незначительностью сюжетов, за легким романтическим флером его романов и песен, за интеллигентной мягкостью их исполнения скрыта суровая правда жизни, ее грубая нагота.

Окуджав поет о себе («Я постоянно во власти одного недуга – потребности рассказать о себе») и о своем трагическом поколении, прошедшем войну, заставшем последние годы сталинского мракобесия, приветствовавшем XX съезд, а затем приговоренном к медленной пытке 20-летним бюрократическим издевательством над его верой в справедливость. В одном из своих интервью он как-то признался, что с 1976 года обдумывает автобиографическую книгу, в которой «вывернется наизнанку». Один из его последних прижизненных сборников – «Девушка моей мечты», составленный из опубликованных ранее повестей и рас-

сказов о своей юности – шаг к осуществлению давнего замысла. Эту книгу нельзя назвать полностью автобиографической. Автор не предлагает совершить вместе с ним увлекательное путешествие в мир прошлого, не приглашает проникнуть в секреты своего творчества, не рассказывает о том, как он стал поэтом. Книга эта о войне. О 37-м годе. О сиротстве и счастье жить. И о том, что все «это было совсем недавно...» Герой книги – не поэт, не «творческая личность», а обычный человек, угодивший в мясорубку истории. Повесть «Будь здоров, школяр!» показывает войну нетрадиционно. Как и всякий мальчишка, герой мечтает о подвигах, но убежден, что настоящий воин – это непременно широкоплечий, равнодушный гигант, и отчаянно стыдится своего хилого телосложения. Реальность окутана в его сознании туманом юношеских фантазий и мечтаний. Жизнь беспрерывно подставляет ему подножки, как бы насмехаясь над его романтической экзальтированностью: ему достается прозаическая дощечка вместо полноценной ложки (когда она в конце концов найдется, школяр не захочет ею пользоваться – ложка-то немецкая!), первая любовь не удается, да и ранение оказывается легким, каким-то негероическим. И все же в этом незадачливом простаке сохраняются неизменными восторг перед жизнью, вера в наивные, но хорошие идеалы.

Скромная «личная» правда о войне, сказанная Окуджав в самом начале 60-х годов, когда повесть была напечатана, прозвучала вызовом ложно патристическому представлению о том, как надо показывать войну. Поэтому критики Окуджав поучали: «Органическое свойство юности – стремление к подвигу, желание отличиться» («Новый мир», 1962, №6), а он отвечал стихотворным диалогом «Дерзость, или разговор перед боем», в котором карикатурный генерал

ужасается тому, что лейтенанту перед сражением вспомнились «амуры». Не война как историческое событие, не вынужденный героизм человека интересует Окуджава, а противостояние самой природы человека антигуманной сущности любой войны, войны, какой бы справедливой она ни казалась.

Что же спасло этих детей, отданных на жертвенное заклание молоху войны и ставших свидетелями неизбежно связанного с ней обесценивания человеческой жизни, от духовного опустошения как следствия осознания людского ничтожества перед всемогуществом истории? В одном из рассказов сборника «Уроки музыки», описывающем подготовку молодых новобранцев к сражениям с врагом, есть удивительное откровение: в сердито-насмешливых окриках обучающего его военным премудростям сержанта герою слышалась «музыка домашнего тепла», в которой слились для него воспоминания о Родине, о прошлом, кажущимся прекрасным, несмотря ни на что, и мечты об ожиданном после войны счастье. Эта «музыка» помогала ощущать «себя центром мироздания, царем природы, пусть в шинели с чужого плеча, пусть на кривых ножках в блеклых обмотках...»

Но вот кончилась война, и оказалось, что эта «тихая мелодия» - «мелодия невозвратного». Фронтовики возвращались домой, но и дома земля горела под ногами. Те, кто с гордостью повторили бы вслед за Окуджавой: «Что же касается победы, то, хоть я и не совершил ничего героического и, наверное, был неважным солдатом, все-таки живет во мне уверенность, что без меня победа досталась бы труднее» (рассказ «Утро красит нежным светом»), сталкивались с действительностью, в которой чувства самоуважения и человеческого достоинства годами планомерно выкорчевывались из людей. Именно тогда вера Окуджава и его ровесников в торжество светлых идеалов подверглись жесточайшему испытанию.

В одном из последних романов писателя - «Свидание с Бонапартом» протагонист автора молодой помещик Тимофей Игнатьев возвращается с войны 1812 года и тоже попадает в мир, где все охвачено пожаром человеконенавистничества. Горит Москва, горит подожженный крестьянами дом его соседки по

имению. Все планы героев по спасению России терпят полный крах. Свидетель поражения этих идей Тимоша Игнатьев не может примириться с противоречиями времени, - и кончает с собой. В написанном в период брежневского безвременья - 1979-1983 гг. - романе-катастрофе о крушении иллюзий и надежд на справедливость Окуджава подвел горький итог делу отца - коммуниста, расстрелянного в 37-м, ему и посвящено «Свидание с Бонапартом».

Рассказ «Девушка моей мечты» - еще об одном жизненном первоисточнике романа, о первой после десятилетней разлуки встрече студента Тбилисского университета Булата Окуджава с матерью, вернувшейся в 1947 году из сталинского концлагеря: «Вон из пятен ночного тумана появляется вдруг вдалеке моя стройная старая мама - чемоданчик тюремный в руке» («Звездочет»). Встретив мать, счастливый сын, еще не понимающий, через какой ад прошел родной человек, и наивно интересующийся, показывают ли «там» кино, ведет ее на свой любимый фильм - приторную музыкальную сказочку «Девушка моей мечты» об иной, «красивой» жизни. Все складывается, по его мнению, прекрасно. Но мать вдруг встает и уходит с сеанса, не досмотрев картину. Она не слышит вопросов, ничем не интересуется, погружена в себя. С обнаженной правдивостью показывает Окуджава в какое сломленное, смертельно усталое, загнанное, лишенное из духовное раскрепощение существо превращается человек, испытывавший на себе давление тоталитарной власти.

Не под влиянием ли ощущения трагической полусторонности поведения матери Окуджава в своих романах делит мир на два полюса, где на одной стороне - государство, сыск и все, что с ним связано, а на другой - свободное существование? Чуть ли не все герои его произведений оплетены незримыми нитями ложных доносов, слезки, поисков несуществующих виновников, выводов, основанных на домысле и лжи. Критики, памятуя об обилии в произведениях Окуджава сыскных фантазмагорий, вслед за А.Латыниной стали называть его исторические романы «фантазиями». Если бы! В исторической прозе Окуджава отступления от подлинности быта всегда окупаются правдой характеров и отношений, возможных только в прошлом. Но оно - это прошлое - увидено глазами «заложника 37-го».

В повестях «Бедный Авросимов», «Похождения Шипова», в романах «Свидание с Бонапартом», «Путешествие дилетантов», написанных о XIX веке, Окуджава пытался нащупать истоки происшедшего в XX веке, понять, каким образом варварское искажение прекрасной идеи революции стало возможным, допустимым, для многих - чего греха таить - желанным. О чем бы он ни писал, все его произведения пропиты, как автоматной очередью, темой сталинского террора.

Но поэт помнит о прошлом не для того, чтобы совершить позднюю месть. Его «святое воинство» - не армия мстящих карателей, а «Совесть, Благородство и Достоинство». Хотя герой его рассказов и вспоминает о прошлых обидах: об украденных у него меховых шкурках («Искусство кройки и шитья»), о хамстве малознакомых девиц, обрадовавшихся возможности победать за его счет («Отдельные неудачи среди сплошных удач»), о ханжестве недалеких учителей сельской школы, с которыми пришлось ему работать («Новенький, как с иголочки»), но не для того, чтобы вызвать жалость к себе. Напротив, он неизменно повторяет: я сам виноват. Окуджава всегда противопоставляет не-

изменной подлой реальности добрые чувства, «Веру, Надежду, Любовь». «Я прощаю... Ланцова. У меня никаких обид», - пишет он в «Уроках музыки» об издевавшемся над ним на военных учениях сержанте. Эти «три сестры, три жены, три судьи милосердных» спасли его в юности от грозившего ему духовного нигилизма как следствия несовместимости идеалов и реальности, на них уповает он, мечтая о духовном возрождении матери, они помогли ему просуществовать в брежневском тупике.

Хотя тематически рассказы сборника близки крупным прозаическим произведениям Окуджава, в стилистическом отношении они отличны от них. Лучшие из них проще, доступнее, написаны со сдержанным благородством. Может быть потому, что столько лет сдерживаемая боль, наконец-то нашедшая выход, преобразовалась в голый смысл, в самую обнаженную реальность? Но миниатюры Окуджава лишь кажутся безыскусными, потому что задуманы как цельный откровенный монолог того самого юноши, каким был когда-то автор. Интимная, личная интонация преобразует воспоминания известного, умудренного жизненным и творческим опытом писателя в чистосердечный рассказ самого поколения «шестидесятников» о своей молодости.

Как правдивое описание частной жизни человека возвышается в прозе и поэзии Окуджава до реалистического портрета эпохи, так порой частная деталь выражает у него смысл всего произведения. Мытарства с ложкой и пальто – это целые эпопеи, в которых сентиментальные нотки неизменно снижаются увесистой порцией надежды на перерождение сути. Юному герою кажется, что «искусство кройки и шитья» сулит ему «новые удачи». Помните песню «Старый пиджак» - мягкую пародию на веру в чудодейственность формы?

Но не прав тот, кто думает, как Н.Крымова, что Окуджава не более, чем «утешитель», которого можно прописать в придачу к «каплям датского короля» от хандры и недовольства жизнью, и читатель поверит, что все мужчины – рыцари, женщины прекрасны, а жизнь безмятежна, как праздник, и не услышит горькой иронии в интонации поэта. Он утверждает извечное действенное начало – Человечность, вопреки черной людской неблагодарности, тупости и злости, вопреки несправедливостям и гнусным теориям о неизбежности войн и оправданности насилия ради святой цели. Нет, Окуджава – не утешитель, а борец за добрые чувства в себе, в каждом из нас. Во времена намеренной злостной фальсификации вечных истин утверждать их

первоначальную сущность, напоминать об их подлинном смысле – это ли не борьба?

В 1971-1977 годах Окуджава написал свою главную книгу о том, как любовь превращает человека в борца за свободу и достоинство личности. В «Путешествии дилетантов» мир, как обычно у писателя, разведен на два полюса: на одном венценосный раб государственной системы Николай I, для которого даже семья – ритуал «среди прочих ритуалов», а на втором – князь Мятлев, свободный от «непререкаемых установлений и невероятных условностей». В начале романа, описывающем Россию в 1845-1855 годах, в период жесточайшей реакции, Мятлев как свидетель крушения надежд декабристов и бессмысленной гибели своего друга Лермонтова убежден в бесполезности своего протеста. Но вот он влюбляется в Лавинию и увозит любимую от мужа, то есть преступает «нравственные границы, установленные природой общества», бросает ему вызов.

Царь, возмущенный независимостью его поведения, приказывает поймать беглецов, а когда Лавиния и Мятлев, несмотря на запреты, вновь оказываются вместе, отдает героя под суд, выносящий суровый приговор по ложному обвинению. И тут обнаруживается, что воспоминания о друзьях-декабристах, Лермонтове, о прошлом, которое, по мнению Окуджава, «и делает нас людьми», живы для этого человека, как жив в нем незатухающий до конца дней пожар любви. Даже пройдя через ярмо солдатчины, он продолжает бороться за свою независимость и право быть рядом с Лавинией вопреки обстановке в стране. Если «путешествие» начинается с описания отошедшей в прошлое благородной традиции – дуэли, то завершается оно пошлыми записками полицейского исправника, приставленного надзирать за Мятлевым. Тот, кого царь аттестовал как «не очень опасного», на поверку оказался свободным от прививки холопства – следствия работы государственной машины, и вдруг стал «опасным» государственным преступником, борцом за свободу.

Подобно Мятлеву, каждый герой прозы Окуджава: и «бедный Авросимов» - трогательный провинциальный недоросль, случайно узнавший Пестеля и загоревшийся желанием его спасти, и Тимоша Игнатъев, и первооснова этих образов – сам Окуджава в рассказах из книги «Девушка моей мечты», - мал как историческая личность (заметим, однако же, что для писателя история независима от чьего бы то ни было произвола, будь то Наполеон, Николай I или Сталин: «главный ответчик», как личность сама по себе он волен подчиниться большинству или остаться самим собой, сохранив гармонию души. Для таких людей:

Главное – это сгореть и, сгорая, не сокрушаться о том.

Может быть, кто и осудит сначала, но не забудет потом!

Окуджава поклоняется только тому, что естественно и человечно. Поэтому его произведения о прошлом связаны с настоящим и говорят о вечном – «об умении прощать, помнить, любить, ценить дружеское расположение и уважать личность». Возможно, что эти слова писателя могут кому-то показаться тривиальными. Это не беда. Главное, что смысл их вечен, как «сама жизнь».

Анна ФАЛИЛЕЕВА

Написание фамилии Булата Шалвовича Окуджава сохранено в авторском варианте

▲ Вероника Долина

«БУЛАТ – ЭТО МОЙ МАЯК!»

Почетным гостем тбилисского фестиваля авторской песни, посвященного 90-летию Булата Окуджавы, стала неповторимая Вероника Долина. На гала-концерте она исполнила одну из своих любимых песен Окуджавы «Не клонись-ка ты головушка». А потом подарила тбилисцам лучшие свои произведения – «О, женщина, летающая трудно!», «Более или менее хочется жить», «Девочка пятидесяти лет», «В Москве, говорят, снежно», «Эта книга пропахла твоим табаком»... Песни Долиной – это предельно искренняя исповедь женщины-интеллектуалки, ее грустные монологи о том, как меняется жизнь и она вместе с ней. «Неужто время твое истекло?» - вопрошает Вероника Долина, «девочка пятидесяти лет», «глядящая тоскливо», но при этом полная иронии и самоиронии...

- У меня хорошие воспоминания о последней поездке в Грузию, у меня есть слово «Тбилиси», которое в Москве отзывается достаточно необыкновенно. У меня есть май 2014 года на дворе – 90 лет со дня рождения Булата Шалвовича Окуджавы, который был моим старшим другом, совершенно специальным товарищем, моим личным посланником небес... Булат – этой мой маяк, светильник разума и иронии, поэзии и старых идеалов. Его вздернутые брови – это смесь иронии, веры и неверия, скепсиса и простодушия. Это обладание высшими сакральными смыслами и скромнейшими понятиями о себе и приближенном к себе пространстве. Это все мир Булата Окуджавы, а я в сущности служитель этого же мира очень давний. Потеряв поэта, я унаследовала

его мир... Он научил меня скупому слову «профессия». «Говори: «работа», никогда не говори «творчество»!» - напутствовал Окуджавы. Он еще очень-очень многому меня научил.

- Что для вас авторская песня?

- Это моя сущность и моя работа. Я так живу много лет. Когда я была совершенной девочкой, подростком, обнаружились мои внутренние возможности что-то рифмовать с маленькой музыкой внутри. Это было очень давно. Теперь у меня внуки такого возраста. С тех пор я и занимаюсь авторской песней. Я очень недолго работала в стороне от этого простого ремесла. А с года 1980-го – только стихи, только с гитарой в руках. Всего-навсего слух чуть-чуть повыше среднего. Его некоторое присутствие во мне обнаружилось достаточно давно. Я та девочка, которая в четыре года уже читала. В пять могла играть на фортепиано, подбирая себе все что угодно. Когда подошла ко второму классу музыкальной школы, уже могла сыграть все, что угодно. Если меня быстренько посадить в хорошую минуту за фортепиано, я сыграю разное – то, что потребует та самая минута. С Булатом Шалвовичем у нас был смешной случай, когда в составе московской поэтической делегации мы в году 1982-83-м поехали выступать в Ленинград – большая такая бригада журнала «Юность», ведомая Андреем Дементьевым. Я помню Юнну Мориц, помню, как в Питере к нам присоединились Александр Кушнер и Владимир Рецептер. В какой-то «засценной» ситуации я хлоп за рояль и стала играть песню, которую только-только сочинил Окуджавы – «Римская империя времени упадка». Он повернулся и, не веря своим ушам, изумленно спросил: «Ты играешь «Римскую империю»? Говорю же, мне очень важна минута, внутренние открытые форточки. Мне важно, чтобы через меня протекало время. Сохранились фотографии

той минуты, когда Булат подошел ко мне напевая, а я шлеп-шлеп по клавишам эту «Римскую империю». Слух имеет значение. Ну а дальше маленькая зоркость, она тоже шлифуется, а дальше еще некоторое любопытство к чтению. Я не живу без стихов, без довольно многих стихов в течение если не дня, то световой недели. Все это немножко отшлифовало некоторые вещи, и я не захотела расстаться с гитарой, а гитара со мной. Мое образование сделали книжки. Родители, которые меня создали, к моим рукам пододвигали и музыку, и книжки, и первую гитару мне папа принес, когда мне было 13-14 лет. А дальше книжки – чтение, чтение, чтение...

- В авторской песне первично слово?

- Несомненно. Слова в авторской песне первичны, они всегда вместе с музыкой, но все идет от слова, от этого специального звуко сочетания, без него мы вообще ничего не стоим. Оно сигнально, первобытно, оно поэтически необыкновенным образом сделано от своей воздушной звуковой небесной природы, оно заряжает музыкой, и тогда поэтическое слово делается удвоенным, утроенным, приобретает возможности летучие, повышенные.

- Однако слово сегодня девальвировано, оно вытесняется визуальным рядом.

- Компьютер сыграл почти все свои шутки с человеком. Но, наверное, еще не все. Предложил необыкновенно легкую для простукивания клавиатуру, всеатакующие мониторы... Видеоряд делает свое дело. Но мы работаем со словами и верим в их могущество, в их сакральный смысл, и, думаю, не совсем напрасно.

хотели, вышли на уровень, облагородили воздух Москвы и Питера, если говорить на русском языке уже отдаленного от нас времени. Дальше среда стала жестче, и к нам уже не было мягкости никогда. Мы не знали ни вкуса привилегий, ни прелести подлинных, весомых денег. Я не сетую – зато мы узнали огромную публику и знаем ее в лицо. Но все это означает только одно: всего-навсего писать стихи...

- Все-таки вы жили в более романтическое время, чем сегодняшняя эпоха.

- Я не уверена, что дело в этом. Нам бы правителя помягче натурой. Нам бы детей поздоровее, нам бы распределение ценностей между нашими детьми и родителями чуть-чуть посправедливее, и мы будем в порядке. Чтобы мы с легкостью находили своих издателей и книжных магазинов было поболее... Сети книжных магазинов уничтожены, маленькие театральные залы исключены – это все погребло...

- Но и читателей стало меньше, не так ли?

- Нам так не положено думать. Мы выращиваем себе на грядках новых читателей. Даже я, скромняга, вижу

- Авторская песня – это элитарная сфера культуры?

- Это просто творческое подразделение, небольшой цех. Но у нас очень поредели ряды. Старшее поколение вымерло, молодое поколение не оправдало и не оправдывает надежды. Приспособленчество оказалось их первым талантом. Приспосабливаться и зарабатывать, зарабатывать и приспособляться. Это тоже чудесная вещь. Литераторы старых эпох стремились приспособиться и работать. Мольер и Виоин, например. Это все было возможно. Может быть, приспособленчество и тогда считалось позором, но об этом, увы, не узнаешь, заглянув на пять-шесть веков назад. Но все же приспособляться – это приспособляться. А при чем тут стихи?

Русскоязычная среда была к нам настолько не расположена, что не по-хозяйски к нам отнеслась... Послевоенная среда в 50-60- годы была расположеннее к своим поэтам, и поэты, освободившись от гнета Второй мировой войны, от гнета сталинизма, подняли подбородки и чути ли не задрали носы. И писали фактически так, как

своих слушателей и читателей – наверное, уже четвертое поколение. Если публики достаточно, чтобы прокормить меня и мою изрядно поредевшую семью, то спасибо всем божествам, верхним и нижним.

- Насколько изменилась сама Вероника Долина?

- Время отражается на мне. Я пишу стихов все больше, все крепче сжимаю зубы, все кошмарнее сгибаю бровь, все еще занимаюсь чрезвычайно повзрослевшими детьми и подрастающими внуками. Мое дело – заниматься моим ближним миром. Для меня это очень важно.

- Стихи – защита от сурового мира?

- Конечно! Нешуточная...

- А кто вам нравится среди более молодого поколения бардов?

- Елена Казанцева, Михаил Щербаков – волшебные способности, божественный парень. Окуджава успел его заметить, приметить его альбомы. А дальше след немножко теряется...

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Советские шахматисты – олимпийские чемпионы. Люцерн. 1982

ПРИНЦЕССЫ СТАЛИ КОРОЛЕВАМИ

▲ Нана Иоселиани

В семнадцать лет Нана Иоселиани установила феноменальный рекорд. Осенью 1979 года, выступая на женском межзональном турнире в Бразилии, она одержала тринадцать побед и три партии свела вничью.

Так за несколько туров до финиша была решена судьба не только одной из трех путевок в соревнование претенденток на первенство мира, но и первого приза.

Особенно впечатляла серия из 12 побед – достижение, какого в официальных турнирах высшего уровня после Веры Менчик не показывал никто.

Поражало не только количество побед. Специалисты отмечали легкость, быстроту игры, гармоничность стиля, зоркость комбинаторного зрения, отменную технику и завидное хладнокровие за шахматной доской девушки – свидетельство уверенности в собственных силах. Рекорды рекордами, а особенно радовало в выступлениях Наны Иоселиани, ее тяга к совершенствованию.

За год до турнира в Рио-де-Жанейро Михаил Ботвинник, воздав должное дарованию юной грузинской шахматистки (Нана была слушательницей его знаменитой заочной шахматной школы), отметил существенный недостаток в игре Иоселиани – нерациональное распределение времени.

Замечание пришлось кстати. На межзональном турнире Нана не знала цейтнотов, этого бича шахматистов. Обычно у нее оставался неиспользованным «лишний» час. Победительница турнира отложила лишь одну партию, да и в той ее соперница – английская шахматистка

Яна Майлс, могла сдать.

Современные женские шахматы нельзя себе представить без Майи Чибурданидзе, Наны Иоселиани, Нино Гуриели.

Вспомним, как в октябре 1976 года они на равных вели спор в очень сильном по составу 36-м женском первенстве СССР.

Для Иоселиани то был дебют в крупнейших соревнованиях, за несколько месяцев до этого она разделила первое-второе места на полуфинале в городе Тольятти, а потом не оробела на непривычной шахматной высоте.

Вспоминается разговор неоднократной чемпионки Югославии Милунки Лазаревич с Мигелем Найдорфом, одним из сильнейших шахматистов мира 40-50 годов. Мигель эль Гранде – признанный мастер молниеносной игры и блестящих реплик. Милунка поинтересовалась о возможности организации в Южной Америке турнира шахматисток. Аргентинский гроссмейстер мгновенно настраивается на шутивную волну и, в свою очередь, просит гарантировать участие двенадцати красивых шахматисток.

Окажись Лазаревич в те дни в Тбилиси, условие Найдорфа ее бы не затруднило.

У зрителей глаза разбегаются при виде шахматных имен. В самом деле: на какой партии остановить свой выбор. Может, вице-чемпионки мира Наны Александрия, международного мастера Татьяны Затуловской, чемпионки страны Людмилы Белавенец или претен-

▲ Молодежная сборная Грузии: М.Чибурданидзе, Н.Иоселиани, З.Стура, И.Ефимов, С.Лпутян, З.Азмайпарашвили. Москва. 1977

дентки на мировое первенство Ирины Левитиной?

Нет, погляжу на игру трех прелестных грузинских девочек, одна из них успела пожертвовать фигуру, - решал любитель шахмат. И его можно понять. Зритель особенно тепло приветствует молодых.

Есть старинная шутка о том, что зритель потому ходит в цирк смотреть на укротителя тигров, что втайне надеется: однажды тигр все-таки съест укротителя. Эта комичная ситуация как нельзя лучше соответствует обстановке на крупном шахматном турнире, когда невооруженным глазом из зала порой и не различишь, кто укротители, а кто тигры.

Первенство оказалось счастливым для молодых грузинок. Гуриели, Иоселиани и Чибурданидзе вошли в десятку сильнейших шахматисток страны.

В трех партиях с членами олимпийской сборной СССР 14-летняя Нана набрала 2,5 очка, сыграла вничью с чемпионкой мира Гаприндашвили и победила Александрия и Левитину.

«Все они очень талантливы, особенно Майя, - сказала Гаприндашвили. - Вне сомнения, всех троих ждет блестящее будущее».

Уже следующий чемпионат страны во Львове показал, как окреп талант юных шахматисток. Золотую медаль завоевала Чибурданидзе, а серебряные вручили сразу двум Нанам – Александрия и Иоселиани. Весь пьедестал оказался грузинским!

Львов подтвердил: Иоселиани на верном пути.

На старте она играла неровно, имела только 3,5 очка после восьми встреч, но потом разыгралась и в девяти оставшихся партиях набрала 8,5 очков. В заключительном туре она нанесла поражение чемпионке страны Анне Ахшарумовой и вытеснила ее из тройки призеров.

Иоселиани показала в турнире наиболее результативную игру, в ее активе десять побед, даже на одну

больше, чем у Чибурданидзе, новой чемпионки страны, а ведь этот успех был достигнут в споре с именитыми шахматистками, среди которых было шесть международных гроссмейстеров и пять международных мастеров.

Тот счастливый год славен еще одним знаменательным достижением. В Москве команда шахматистов Грузии стала победительницей Вторых Всесоюзных спортивных игр молодежи. За нее выступали Зураб Азмайпарашвили, Игорь Ефимов, Смба Лпутян, Зураб Стура, Майя Чибурданидзе, Нана Иоселиани (к тому времени относится знаменитый плакат-призыв тренера – международного гроссмейстера Эдуарда Гуфельда: «Ребята, не Москва ль за нами?»)

Трудно поверить, но шахматы могли потерять Иоселиани – еще несколько лет назад Трудно поверить, но шахматы могли потерять Иоселиани – еще несколько лет назад Нана увлекалась музыкой. Педагоги из музыкальной школы навещали ее родителей, уговаривали вернуть девочку в школу. Родители пытались, но право выбора осталось за девочкой, и она очень скоро сумела доказать, что именно шахматы – ее призвание, выиграв в 13 лет звание чемпионки Тбилиси.

После Львова Иоселиани делегировали на чемпионат Европы среди девушек в югославский город Кикинда. Это доверие она оправдала, вернувшись в Тбилиси с Кубком, и в 1979-м повторила свой чемпионский успех.

Победа на межзональном турнире в Бразилии, где Иоселиани на 2,5 очка опередила венгерского гроссмейстера Жужу Вереци и на 3,5 очка – Нану Александрия, показала, что на шахматном небосклоне взойшла звезда первой величины.

Вспоминая, как до этого Иоселиани становилась призером международных соревнований в Тбилиси, Польше и Москве, специалисты верили, что главные

▲ Нана Иоселиани

ее победы впереди. Залогом этого была требовательность самой Наны в оценке собственных достижений. Неслучайно патриарх советских шахмат Ботвинник наряду с другими достоинствами Иоселиани отмечал именно эту ее черту.

Теперь Нане предстояло труднейшее испытание – четвертьфинальный матч претенденток на первенство мира с Вереци в Югославии. Иоселиани до этого матчей не играла, и для нее это был серьезный экзамен, к тому же с сильнейшей зарубежной шахматисткой, крайне редко проигрывающей.

В Югославии приучены к победам Иоселиани. И традиция оказалась продолжена.

За внешней легкостью победы стояла борьба, отнимающая много сил и нервов. Если на межзональном турнире Нана, по собственному признанию, могла во встречах с аутсайдерами чуть расслабиться, позволив себе небольшую передышку, то здесь играть приходилось каждый раз против сильной и волевой шахматистки, не прощающей ни одной ошибки. Начиная с пятой партии советская шахматистка прочно захватила инициативу и убедительно опровергла рискованную игру венгерской чемпионки, которую положение обязывало идти на обострения. После девятой партии счет в матче стал 6:3 в пользу Наны, и 18-летняя шахматистка начала подготовку к полуфинальному поединку с Гаприндашвили.

Матч с 5-кратной чемпионкой мира стал для Наны отличной шахматной школой. Само его течение опровергло прогнозы. Перед двумя заключительными партиями Гаприндашвили вела в счете с разницей в два очка. Казалось, победа ей обеспечена, невероятным казался двойной успех младшей в оставшихся двух партиях, и тем не менее это произошло.

Нана сравняла счет и в то же время получила весомое преимущество, потому что по регламенту в случае ничейного исхода четырех дополнительных партий победа в матче присуждалась ей, выигравшей больше встреч черными. Так оно и вышло.

Иоселиани вышла в финал, получив тем самым право даже в случае проигрыша считаться третьей шахматисткой мира.

Теперь ее взору открылся шахматный Олимп, но дорогу к нему ей преградила Нана Александрия, которая великолепно подготовилась к этому циклу борьбы за первенство мира. Вряд ли нашлись бы оптимисты, которые перед матчем двух подруг по олимпийской сборной Советского Союза предсказали победу Александрии с разницей в четыре очка, но в данном цикле младшей пришлось уступить по всем статьям.

Утешилась Иоселиани скоро – в финале очередного чемпионата страны 1981 года, где со старта возглавила гонку. Только несколько сбавив темп в заключительных турах, она расплескала добытое преимущество в очках. Финиш прошел в захватывающей борьбе, в которой золотые медали были завоеваны Ноной Гаприндашвили и Наной Иоселиани, впервые примерившей «золото» страны к своему наряду, а через год повторившей этот спортивный и творческий подвиг. Кроме того, она чемпионка СССР 1986 и 1987 годов.

В 1988 году Нана Иоселиани вплотную подошла к завершающему этапу борьбы за мировое первенство, в которую она вступила в 16 лет. Она разделила первое-второе места с Еленой Ахмыловской в турнире претенденток и, выиграв дополнительный матч 3:2, получила право на матч с чемпионкой мира Майей Чибурданидзе, для которой он был пятый.

Международный гроссмейстер, неоднократная олимпийская чемпионка и чемпионка страны, победительница матчей претенденток на мировое первенство и международных турниров постаралась подойти к главному своему поединку во всеоружии опыта и спортивной мудрости.

Матч на первенство мира состоялся осенью 1988 года в городе Телави, где организация была безупречной, а тишина, покой и заинтересованность жителей способствовали творчеству.

Чемпионке удалось отстоять свой высокий титул: она выиграла три партии, две проиграла и одиннадцать закончилась вничью.

По окончании матча Майя не скрывала, как нелегко далась ей победа: «Нана была отлично подготовлена к матчу, особенно теоретически и играла блестяще. Во всех без исключения партиях я испытывала ее большую шахматную силу и непоколебимое стремление к победе».

Вице-чемпионка мира Нана Иоселиани и на этот раз проявила лучшие стороны своего творчества – выдающейся представительницы грузинской женской шахматной школы.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Здесь, в Тифлисском музыкальном училище, Александр Куприн выступал с лекциями

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

В первые дни октября 1916 года концертный зал Тифлисского музыкального училища был переполнен. Но на этот раз почтенную публику привлекла сюда не музыка, а литература – в столицу Грузии в первый (и, как оказалось, в последний) раз приехал знаменитый русский писатель Александр Куприн. Для многих его, как сказали бы сейчас, турне по Кавказу и Закавказью оказалось неожиданным – в российских газетах не раз сообщалось, что Куприн собирается поехать на германский фронт военным корреспондентом. Однако в 1916-м его здоровье ухудшилось и он уехал в Гатчину. Именно там в его доме появился родившийся в грузинском городе Озургети и процветающий в столичном Санкт-Петербурге Федор Долидзе – известный в начале прошлого века театральный антрепренер и организатор литературных вечеров. Так что, оглядываясь на то, как Куприн оказался в тбилисских стенах, стоит приглядеться к сверхинициативному человеку, сумевшему подвинуть писателя на эту поездку. Ведь этим самым господин Долидзе не только познакомил Александра Ивановича с экзотическим для россиянина краем, но и открыл еще одну интереснейшую страницу в связях русской и грузинской культур.

Федор Евсеевич (на грузинском его отчество звучит как Иасеевич) пришел в литературную среду из...

Тифлисского паровозного депо, где работал на весьма прозаической должности помощника машиниста. Но тяга к просвещению у него была такова, что он не только самообразовывался, но и втягивал в это дело сослуживцев. Со временем его просветительство расширяется, и в 1908-м он организует «Народное музыкальное товарищество», под эгидой которого проводятся всевозможные спектакли и концерты. Проходят еще три года, и Долидзе – уже в Петербурге, где разворачивается вовсю – организует вечера знаменитостей и, естественно, заводит с ними дружбу. Впрочем, слушаем самих поэтов.

Сергей Есенин: «У вас на плечах хорошая голова, Долидзе!» Валерий Брюсов: «Собираюсь гораздо шире пропагандировать поэзию разных направлений, как с эстрады нашего клуба, так и на открытых вечерах в Политехническом музее, в консерватории и т.д. Для организации вечеров у нас есть в правлении Федор Евсеевич Долидзе». Вадим Шершеневич: «Это был при литературе состоявший человек, который после революции начал работать сразу новыми методами. Он не был похож на антрепренера или импресарио. Наоборот, он всегда был только «устроителем». Вечер шел под какой-нибудь веской и солидной маркой авторитетной организации». Рюрик Ивнев: «Он не любил

▲ Александр Куприн

сомнительных дел. Его гибкий и подвижный ум рыскал в поисках законных способов обогащения... Федор Долидзе устраивал литературные вечера и концерты с участием поэтов различных течений и школ, доходы от которых поступали в издательство. Мирное здание Политехнического музея волей импресарио Долидзе превратилось на несколько часов в странную крепость, толстые стены которой были подвергнуты штурму бурного людского потока». Матвей Ройзман: «...Он стал разъезжать по нашей стране с распеваящим свои поэмы Игорем Северянином. Если этот поэт завоевал себе имя, то этим он обязан Ф.Е. Долидзе». Вот так, ни больше, ни меньше!

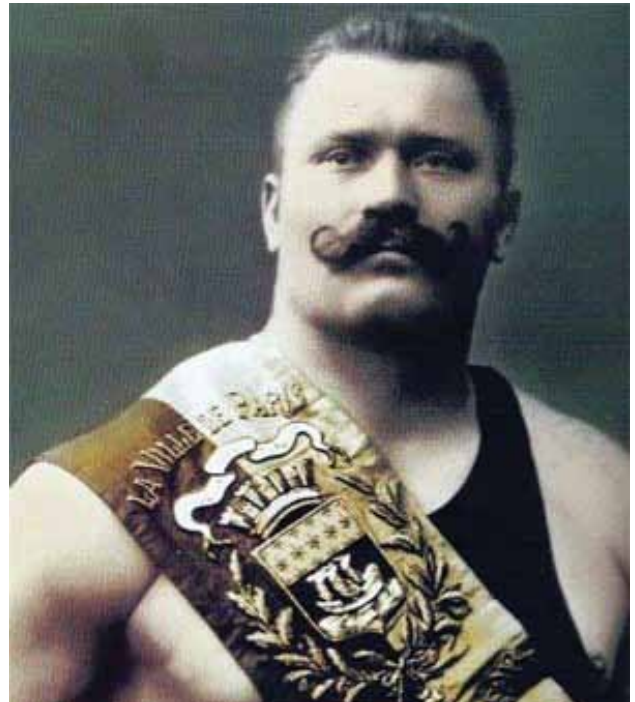
А ведь среди «подопечных» Долидзе были еще и Корней Чуковский, и художник Гергий Якулов и многие другие знаменитости. Причем, влияние его в непростой богемной среде таково, что именно он в августе 1919-го собирает литераторов, недовольных влиянием имажинистов в Президиуме Всероссийского союза поэтов и добивается проведения общего собрания правления.

Ну, а в 1916 году кипящий замыслами и энергией Долидзе появляется в Гатчине перед своим хорошим знакомым Куприным. И как бы ни был Александр Иванович настроен против публичных выступлений, он не может устоять перед напором Федора Евсеевича. Тот напоминает, что писатель сам не раз говорил ему о желании побывать в Грузии, заманивает посещением пушкинских мест, обещает переполненные залы слушателей. Среди веских причин вполне мог быть и такой аргумент, как знаменитые грузинские вина – поднять стакан-другой с приятными ему людьми Куприн, прямо скажем, любил. Вот и принимается, в конце концов, решение ехать всей семьей.

По дороге в Грузию – выступления на Северном Кавказе. Они организованы, конечно же? Долидзе, и проходят «на ура» в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, Владикавказе. Первое из них – о драмах Пушкина – сопровождается выступлением знаменитого актера Мамонта Дальского. Его респектабельный вид полностью соответствует представлениям курортной публики о знаменитостях. А о том, как выглядел Куприн, одевавшийся «весьма небрежно, в чем была

доля кокетства», можно судить по стихам, в которых некая Зоя Мерцалова высмеивает в газете «Кавказский край» мещанские мнения о писателях. Нам стоит прочесть несколько строк, чтобы увидеть портрет Александра Ивановича того времени: «Светит солнце ярко,/ Блекнет цвет куртин./ По аллее парка/ Шествует Куприн./... Нос утрет Парижу/ Русский беллетрист!/ А Куприн, я вижу,/ Вовсе неказист!/ Нет манер маркиза,/ Не видать волос./ Вроде он киргиза/ Где-то в степи рос». Но шутки – шутками, а окончательное название для своих лекций Куприн никак не может подобрать. То «Этапы развития русской литературы с 1812 года до наших дней», то «Этапы русской литературы от Пушкина до Чехова, от Чехова до наших дней» и, наконец, сокращение слишком обширной темы – просто «Судьба русской литературы».

С этой-то лекцией Куприн и отправляется из Владикавказа в Тифлис в открытой коляске и по дороге все время читает наизусть стихи Пушкина и Лермонтова, иллюстрируемые видами Военно-Грузинской дороги. А когда темнеет, он получает возможность убедиться, что популярен не только среди тех, кто разъезжает по престижным курортам. Караульные на Крестовом перевале не хотят пускать путников в свои помещения,

▲ Иван Зайкин

но появляется их позевывающий начальник, узнает фамилию проезжего и, по словам дочери писателя Ксении, свершается чудо: « – Тот самый Куприн, который написал «Поединок»? Что же вы раньше молчали? – И нам оказали самый радушный прием. Каждый солдат старался сделать нам что-нибудь приятное... Известность Куприна дошла каким-то образом до этого затерянного уголка, до полуграмотных и даже неграмотных солдат. До сих пор меня поражает и волнует популярность отца среди простых людей. На другое утро нас провожали, как самых близких друзей».

На следующий день, 27 сентября, Куприны уже в Тифлисе, и Долидзе поселяет их в доме композитора Генсиорского, на дочери которого был женат. О том, что это – правильный выбор, свидетельствует Ксения Куприна: «В семье Генсиорского было несколько до-

черей, и дом был полон молодого веселья. Отец много времени проводил там. Девушки наперебой старались угодить ему – готовили любимые грузинские блюда и всячески баловали его». Но когда появляется известный писатель, жди и появления писателей начинающих, стремящихся подsunуть мэтру свои произведения. Тифлис в этом плане не был исключением, однако Куприн «всегда внимательно к ним относился и помогал кому советами, кому материально, чем мог». Но, при этом, сегодняшние защитники гендерного равенства резко осудят его – «писательниц же он недолюбливал; почему-то совсем не верил, что женщины могут писать, и называл их творчество «женским рукодельем».

Между тем, количество пишущих в грузинской столице во все времена зашкаливает, и вот уже в доме Генсиорских можно видеть, как Куприн «иногда... не выдерживал натиска молодых «гениев», и чтение рукописей доводило его до иступления». Вот, прямо во время обеда, врывается очередной молодой человек «с подозрительным свертком в руке», и Куприн, моментально обвязав голову салфеткой, жалобно заявляет: «Я болен, очень болен...» Правда, долго отфутболивать графоманов он не может, и на следующий день чтение их рукописей продолжается – общая атмосфера этой семьи действует благотворно... А кроме того, русский гость отлично чувствует себя и в домах тех, кого знал еще до приезда в Грузию. Это, в первую очередь, звезда грузинской сцены Васо Абашидзе, поражавший своими мастерством писателя, который и сам был неплохим актером. И еще – литературный критик Нико Накашидзе, с ним Куприна сблизил любовь к творчеству Льва Толстого. Но к самой приятной встрече он готовился заранее – одновременно с ним в Тифлис приехал из Ташкента любимый друг, знаменитый борец Иван Заикин.

В наше время термин «цирковая борьба» многим ничего не говорит. А в начале XX века это было любимое зрелище миллионов людей. Многочисленные борцовские чемпионаты проводились на цирковых аренах, превратившись в программные номера. Их участники переезжали из города в город, получали огромные гонорары, и популярность их можно сравнить со

▼ Куприн (справа) на руках у Заикина

славой нынешних футбольных звезд. Одним из таких героев и был Иван Заикин, двукратный чемпион мира. Куприн, беззаветно любивший спорт и замечательно описавший борцовскую жизнь в рассказе «В цирке», дружил с ним до последних лет своей жизни. И именно Александр Иванович убедил атлета, поднимавшего тяжеленные гири, рвавшего цепи и гнувшего на шее стальные балки, перейти на классическую борьбу. А на одном из старых фотоснимков можно увидеть, как Заикин держит на руках двух далеко не шульных мужчин, один из которых – Куприн. Так что, излишне говорить, сколь радуются оба встрече в Тифлисе.

Они видятся в первый же вечер по приезде писателя, конечно же, в цирке, куда Куприн отправляется вместе с семьей. Цирк находился в конце Головинского (ныне – Руставели) проспекта, в районе, который тбилисцы по сей день зовут «Земмель». Публику, переполнивший зал в ожидании начала турнира, извещают о присутствии знаменитого литератора и, под аплодисменты, приглашают в почетное жюри. Завершается все очередной победой Заикина и грандиозным банкетом, который на следующий день артисты устраивают в честь Куприна.

Писатель вообще проводит у друга большинство тифлиских вечеров. А тот остановился «вблизи цирка у пожилого немца-столяра, недалеко от реки Куры». Помещение – не самое шикарное: «полуподвал во дворе, в который можно было попасть, поднявшись на семь-восемь ступенек; пройти площадку и спуститься на семь-восемь ступенек». По словам жены Заикина, ступени эти «были широкими, длинными и заменяли диваны и стулья». И именно на них ежевечерне, «по четыре-пять человек в ряд, держа на коленях тарелки», рассаживаются многочисленные гости – хлебо-солный борец приглашает к себе и на обеды, и на чаепития после представлений в цирке. «Александр Иванович часто приходил и включался в цирковые разговоры, - уточняет Павлина Заикина. - Было очень весело. Казалось, что мы сидим где-то на пристани и ждем парохода. А Александр Иванович возьмет записную книжку и все считает, сколько раз я поднимаюсь и спускаюсь по ступенькам».

Куприн с Заикиным вместе гуляют по городу, экскурсоводом у них, естественно, Федор Долидзе. Но какой же Тифлис без шумной уличной драки и без глазеющих на нее зевак! Именно это и видят друзья на одной из улиц. Но когда Куприн, не боящийся никаких потасовок, начинает рваться в гущу народа, чтобы поглядеть на дерущихся, Заикин, без лишних слов, вытаскивает его из толпы и почти насильно уводит прочь. Долидзе в удивлении: «Неужели вы, сильнейший борец и чемпион мира, боитесь какой-то драки?» Ответ прост и ясен: «Я силен на ковре во время борьбы. А тут всякий мальчишка может пырнуть ножом, и твоя сила останется ни при чем».

Но все это, так сказать, обрамление главного, того, ради чего писатель приехал в Грузию. Ему надо прочесть две солидные лекции – не самое любимое им дело. Это подтверждает и еще один старый знакомый, встреченный им в столице Грузии – поэт Василий Каменский: «Я был изумлен: Куприн никогда не читал лекций, никогда не гастролировал». Александр Иванович и его приглашает на свое любимое борцовское соревнование. Оба избираются в жюри состязания и там, сидя за столиком, Куприн, со слов Каменского, сомневается: «Судьба русской литературы очень загадочна... Что я буду читать? Не знаю. Если сказать, что

▲ **Василий Каменский**

в Петрограде ждут революцию – меня арестуют. Черт его знает, что вообще происходит в России. Николай, говорят, пьянствует с горя: скоро ему крышка, честное слово».

В ночь перед лекцией, проходя по Михайловской улице, сегодняшнему проспекту Агмашенебели, Куприн и Каменский видят в подвальном этаже одного из домов панихиду по полунищей старушке. И, подойдя к гробу незнакомой женщины, Александр Иванович произносит импровизированную речь: «Прости, дорогая сестра, нас, несчастных бродяг, русских писателей, шляющихся по ночам нашей бездомной действительности. Не суди нас, бесправных и потерянных. Ты кончила жизнь в бедном подвале. Ну что ж? Не лучше кончим и мы, одинокие скитальцы по дорогам литературным, по дорогам загадочным. Что нас ждет? Не все ли равно. В жестокое время крови мы об этом не думаем. У каждого свой короткий путь, и все мы бродим вразброд, но путь к смерти – один, и на этом пути мы встретимся. Прости». Подобные мысли не покидают его и на улице: «Ну, ладно... Ну, мы – именитые писатели, а она – старушка из подвала. Но, по существу, разницы, брат, никакой. Все на свете очень условно. Когда я был в Ясной Поляне у Толстого, меня поразил великий старик мужицкой простотой обыкновенного человека земли. Ах, как он говорил о жизни и смерти. Нет, этого нам не передать. Мы не такие, мы не умеем быть такими. Мы заняты художественной литературой и думаем, что это очень важно... Скучно, брат, очень скучно так думать... Не мудро...»

Похоже, что с таким настроением Куприн выходит и на сцену музыкального училища 1 октября. Приветствуют его горячо, но он долгое время не начинает. И после значительной паузы заявляет: «Вы пришли слушать серьезную лекцию, но я лекций никогда не читал. Это не моя специальность. Я могу только рассказать попросту... Прошу не взыскать... Как умею... Но никакой лекции не ждите, лекции не будет». В зале смятение: «А «Судьба русской литературы»?.. А на афише написано...» Куприн тяжело вздыхает: «Вас интересует судьба? Но судьба совсем не в лекции. Вот в первом ряду сидит мой друг Вася Каменский; он может читать лекции, а я не могу. Ну, ничего... Я вам все же кое-что расскажу... Свои воспоми-

нания о Льве Толстом, о Чехове, о Горьком».

Каменский поддерживает его: «Поймите, что Александр Иванович желает рассказать именно о судьбе русской литературы, но не в форме научной лекции, а в форме беседы. Это интереснее сухой лекции». Куприн добавляет: «Вот в том и судьба литературы, что она мало кому понятна. В разные времена ее разумели по-разному. Толстой, например, отказался от художественной литературы, а Толстой был мудрец. В наши смутные дни эта судьба стала жалкой, несчастной... Никто не знает, что произойдет завтра... И вся судьба переменится... Придет другая жизнь...» И начинается блестящий рассказ о встречах с великими писателями. Ему есть, что рассказать, поэтому неловкость ситуации сглажена и после перерыва на сцену вносят огромную корзину цветов. От борцов-участников циркового чемпионата.

На следующий день выступление Куприна предсказательно анонсируется уже не как лекция, а как беседа. И беседа эта удается, писатель говорит об очень актуальном – о поэтах-футуристах, которых критики разносят в пух и прах. Он выступает против огульного охивания этого литературного течения и утверждает, что в нем есть настоящие таланты – такие, как Маяковский и Каменский. Под конец выступления – традиционная просьба из зала: рассказать о себе. Выступающий ограничивается несколькими словами: «На Куприне по многим причинам не могу долго останавливаться. Скажу только, что отсутствие общего образования и систематической работы над собой составляют недостатки этого писателя. Но в своей бурной молодости он видел многое, побывал везде... и потому его произведения представляют справочник российского бродяжничества». В подтверждение этих слов он читает рассказ «Как я был актером».

Дочь писателя признает, что «тифлисская газета оценили выступления Куприна неоднозначно, наряду с доброжелательными отзывами, были и весьма критические». Что ж, это понятно: кое-кто, а тем более литературные критики, ожидали увидеть этакого мэтра, читающего научную лекцию. Но в целом взыскательная тифлисская публика осталась довольна тем, как нестандартно выступил именитый гость.

Ну, а сам он, покончив с лекциями, решает еще пожить в Тифлисе – чтобы получше с ним познакомиться. «Он жадно впитывал колорит людей и природы, запахи маленьких духанов и лавочек, торговавших сафьяном», – вспоминает его дочь. Ну, а самое незабываемое впечатление, конечно же, – легендарные серные бани. В этом Куприн ничем не отличается от других русских литераторов, воспевших тбилисское чудо. Много лет он «смешно и живо» рассказывал о тифлиских банях. Да так рассказывал, что Ксения Куприна делает вывод: «Как видно, с пушкинских времен они совсем не переменились. На отца вдруг наскочил голый, худой, проворный старик, стал его мять коленками, топтать, бить, танцевать на нем, ни на минуту не прекращая, несмотря на все мольбы. Старик не понимал по-русски или решил не понимать. Сначала было больно и очень неприятно, но, выйдя из бани, отец почувствовал себя так легко, что много раз потом возвращался к своему мучителю».

А еще остались памятными два застолья – отличающиеся друг от друга, но очень характерные для Тифлиса того времени. Одно, так сказать, простонародное – в zapomнившемся многим российским литераторам духане «Симпатия» возле Эриванской площади (теперь – площадь Свободы). Желчный Каменский утверждает, что когда там появились Куприн и цирковые борцы во главе с Заикиным, этот духан «извергался вулканическим пи-

▲ Куприн с женой и дочерью Ксенией

ром: все столы соединились в один, все горели в речах, в лезгинке, в «сазандари». Грузины стреляли в потолок. «Судьба русской литературы» пировала бесшабашно».

Второе, изысканное застолье – обед в семье Долидзе, устроенный перед отъездом Куприных. На нем даже звучит... цитра – на столь редком для обедов инструменте играет лично композитор Генсиорский. «Было много приглашенных, произносились тосты, исполнялись грузинские песни... Отец экспромтом написал стихи Софье Евсеевне Долидзе», - вспоминает Ксения. Поскольку Александр Иванович не так уж часто «грешил» стихотворениями, интересно прочесть даже это – шутивное, вдохновленное грузинской красавицей, сестрой знаменитого антрепренера:

*Ты недоступна и горда,
Тебе любви моей не надо.
Зачем же говорят мне «Да!»
И яркость губ, и томность взгляда.
Но ты замедлила ответ,
Еще минута колебанья...
И упоительное «Нет!»
Потонет в пламени лобзанья.*

Такое кипение страстей восхищает всех присутствующих, а господин Генсиорский, отложив цитру, даже обещает положить этот стих на музыку.

На следующий день, 11 октября, Куприн отправляется читать лекцию в Баку. Федор Долидзе задерживается в Тифлисе, и писателя сопровождает его племянник Виктор, молодой композитор которому через три года предстоит прославиться первой грузинской комической оперой «Кето и Котэ».

Тифлис, в котором он пробыл всего две недели, Александр Иванович запомнил навсегда. Взглянем на писателя еще раз – уже во Франции, где он живет в эмиграции и известен французам лишь как отец Киссы Куприной. Таков псевдоним легенды Парижа, самой красивой манекенщицы Модного дома Поля Пуаре, подруги еще

▲ Ксения Куприна, звезда кинематографа

малоизвестной Эдит Пиаф, звезды французского кинематографа, которой стала девочка Ксения, побывавшая в 1916-м в Грузии. И вот впечатление Куприна о Гаскони: «Когда, сидя на веранде, я вижу вокруг себя эти загорелые лица, жесткие черные усы, выразительные глаза, большие серьезные носы и слышу непонятный мне местный говор, я воображаю себя в садике тифлисского духана». Вот уж, воистину, через годы, через расстоянья...

Владимир ГОЛОВИН

▲ Михаил Амбросов в спектакле «Гетто»

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ И СЛОЖЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

Михаилу Амбросову очень по душе название самой известной речи Мартина Лютера Кинга – «У меня есть мечта». «У меня тоже есть мечта, - говорит Михаил. - Но бог с ней...»

За сорок лет службы в театре он сыграл на сцене Грибоедовского много десятков ролей. За 60 лет жизни у него появились, как он говорит, «любимая семья, изумительные друзья, большой дом». Он никогда-никогда не жалуется и называет себя счастливым человеком. Но почему в его интонациях при выключенных софитах мне чудилась горечь? Поневоле пришли на ум одни из самых великих слов, когда-либо написанных человеком: он «верил в зеленый огонек, свет невероятного будущего счастья, которое отодвигается с каждым годом. Пусть оно ускользнуло сегодня, не беда – завтра мы побежим еще быстрее... И в одно прекрасное утро... Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое»...

Михаил Амбросов – человек с потрясающим прошлым, удивительным настоящим (причем, он сам делает его таким) и, как и все мы, с загадочным будущим. Меня предупреждали, что он не любит давать интервью. Но тут как раз и повезло – Михаила Яковлевича не пришлось уговаривать, и на беседу он согласился неожиданно легко.

- Можете задавать любые вопросы. Отвечу на все.
- Правда?
- Знаете, я еще в детстве понял, что никогда не надо

врать. Через 10 минут ты забываешь, как соврал, начинаешь путаться... Да легче же правду сказать!

- *Договорились. Предмет особого разговора – ваша родословная.*

- Вообще, мои греческие предки с отцовской стороны были выписаны Ираклием II как серебряных дел мастера и каменщики. Когда царя спросили, где их поселить, он ответил – «садме цалке», то есть «где-нибудь отдельно». Отсюда и название города – Цалка. «Мне целый мир чужбина, отечество мне Цалкское село»... По линии отца все были священнослужители. А папа работал на тбилисском 31-м авиационном заводе. В сентябре 1941 года завод был эвакуирован в Грузию, и его 11-летним мальчишкой отправили из Коджорского детского дома на завод, латать самолеты. Родословную с маминой стороны знаю до 1799 года – мой прапрапрадед был тбилисским ашугом. Песни пел, говорил на грузинском, армянском, русском...

- *Как и полагается ашугу.*

- Конечно. Мама была воспитательницей в детском саду. Сейчас папы уже нет, а мама живет за границей, и ее воспитанники, подруги, соседи звонят ей до сих пор. Она очень добрый и сильный духом человек. Я бы хотел быть похожим на нее... В 1939 году мой папа видел гибель своих родителей... Деда и бабушку убили возле Манглиси. Моя тетя, папина сестра, рассказывала мне, что когда они подъезжали к злополучному месту, где их ждала засада, бабушка вдруг попросила ее, десятилетнюю, взять на руки малышей. А потом успела открыть дверь и вытолкнуть их из машины. Они покатались кубарем... И остались живы. Бабушка была беременна четвертым ребенком. Ее убили не сразу. Добивали штыками в живот... Тогда был жив мой прадед Пантелеймон, дьякон Цалкской церкви. Он и похоронил погибших на кладбище в Цалке, которое сегодня покрыто водой. Только когда вода спадает, мы можем сходить на могилки. Помню, если вода спадала не до конца, а так, что показывалась лишь маковка кладбищенской церкви, то отец плыл через водохранилище со свечой и спичками в зубах, чтобы зажечь эту свечу и поставить на крест церковного купола... После гибели деда и бабушки детей – папу, его сестру и

брата – распределили по разным детдомам, воспитывали на разных языках, чтобы они не общались и забыли друг о друге.

- Как же они нашли друг друга?

- Тетушка Соня была старшая. Она узнала, в каких детдомах находятся ее братья – Саня и Яша, и постоянно к ним навещалась. Саня был младший и умирал от голода – в день выдавали по 100 грамм каши. Отец вспоминал, как дети траву ели, кору грызли... Соня свою порцию относил младшему брату. Раз пошла к нему, другой... На третий день ее десятилетние подружки по детдому сказали: «Сонечка, если ты не будешь есть, то умрешь. Мы решили, что каждый день одна из нас не будет есть, и ты отдавай эту порцию своему братику». Тетя по сей день плачет, когда рассказывает об этом...

- А младший брат выжил?

- Выжил!

- А как вас воспитывали? Словами или личным примером?

- Родители работали с утра до ночи. Я вырос в коммунальной квартире, в маленьком «Таганроге», эвакуированном в Тбилиси. И я не понимаю, что значит «коммунальная квартира»? Потому что это была моя квартира – я мог войти в каждую комнату, и везде меня ждали, кормили, поили. Как воспитывали? Меня воспитывали книги – это был для меня другой мир. Воспитывали люди – папа и мама, их взаимоотношения, педагоги, соседи. Мой русский язык, пословицы, поговорки, песни – все связано с «Таганрогом». Помню, в школе нам дали задание написать сочинение об одной из советских республик. Наш район назывался Греческий поселок, и я написал сочинение «Греческая советская социалистическая

▲ С Валерием Харютченко в спектакле «Мистическая ночь...»

республика». Помню, как учительница Зинаида Петровна объясняла, что такой республики не существует. А я не мог понять – как это, не существует? Я же там родился, живу!

- Как возникло желание стать артистом?

- Не знаю... Об этом спрашивал мой педагог Александр Георгиевич Товстоногов. Я ему ничего не ответил. Потому что ответить невозможно. Наверное, актерство связано не с психологией, а с психикой человека. Внутренний мир требует выражения, хода вперед – так, как ты его понимаешь. Мне часто говорили, что я совершаю поступки, не всегда полезные мне самому, что я какой-то не такой. Горбатый, что ли. И я однажды ответил – это не горб. Это сложенные крылья.

- Родители не отговаривали стать актером?

- Родители предложили мне поступать в Высшее командное артиллерийское училище. Я поступил. Но знал одну хитрость. После экзаменов на собеседовании у генерала я спокойно сказал, что мой родственник – черный

полковник в Греции, владеет заводом, выпускает оружие.

- Хотела бы я видеть лицо советского генерала в этот момент!

- Ну да... Прихожу домой и говорю – меня не приняли. Родители в недоумении: «Ведь ты сдал на пятерки, как не приняли? Что ты будешь делать, сынок?» – «А я в театральные поступлю».

- Поступали спонтанно?

- Нет, конечно. Осознанно. В 1971 году ко мне прибежали соседи: «Миша, беги в клуб Горького на Плеханова – там набирают артистов!» Я поехал. Оказалось, что это была самодеятельность. Но там преподавал выдающийся человек – Гиви Георгиевич Сарчемлидзе, художественный руководитель грузинского кукольного театра и режиссер русского кукольного театра. Меня приняли. Это было удивительное время – Гиви Георгиевич меня познакомил с Марией Кнебель, Сергеем Образцовым... Помню, мы играли «Предложение» Чехова. После спектакля Мария Осиповна предложила мне приехать в Москву, потому что она будет набирать курс и хочет, чтобы я занимался у нее. А Гиви Георгиевич ответил, что я – местный кадр и буду заниматься в Тбилиси.

- Поторопился с ответом, по-моему...

- А потом ушел в армию, и два года мы переписывались с Гиви Георгиевичем. Он писал обо всем, что происходит в театрах Грузии и советовал, что я должен читать. И я читал. Однажды меня вызвали в штаб, к командующему 6-й Ленинградской армии. Я пришел, доложил. Генерал долго на меня смотрел и сказал: «Солдат, усы надо сбрить. Головной убор носить не так ровно, а чуть набок – для девочек. А позвал я вас потому, что мне было интересно посмотреть на единственного человека в 6-й ленинградской армии, который выписал журнал «Театр». Вы что, артист?» – «Нет, я очень хочу быть артистом». – «Вы им станете». И оказался прав. В 1974 году я вернулся. Гиви Георгиевич устроил меня в русский кукольный театр в вспомсостав. И я работал с великой Викторией Смирновой, актрисой кукольного театра Сергея Образцова. Ее пригласила в Тбилиси директор русского ТЮЗа Ирина Гоциридзе. Кстати, мало кто знает, как было построено здание русского ТЮЗа. Строительством не началось, пока она не позвонила знакомому космонавту. А тот в свою очередь позвонил первому секретарю ЦК КП Грузии Василию Мжаванадзе: «Василий Павлович, вас беспокоит такой-то. Что там у вас с русским ТЮЗом?» – «Все в порядке, строится». – «Очень хорошо, спасибо большое». И дело было сделано. Хороший, видимо, человек был этот космонавт. Любил театр... В 1975 году Гиви Георгиевич мне сказал: «Миша, пришло твое время. Сандро Товстоногов набирает курс. Готовься и иди поступать».

- С чем поступали?

- Помню, читал белый стих Тургенева. В комиссии сидели Михаил Туманишвили, Додо Алексидзе, сам Товстоногов.

- Волновались?

- Нет. Молодые, они же наглые. Думают, что все умеют. А лет через пятнадцать Товстоногов мне сказал: «Миша, а знаете, как вы поступили? Ко мне пришел Сарчемлидзе и попросил – Александр Георгиевич, будет поступать Миша Амбросов, уделите ему не 5, а 10 минут. Я выполнил просьбу Гиви Георгиевича, потому что очень уважаю его. И задал вам дополнительно два-три вопроса, вот и все. Все остальное вы сделали сами». Когда Сандро рассказал об этом, мне стало и радостно, и грустно. Грустно, потому что подумал, что поступил по протекции.

- Да ну! Протекция у непоколебимого Товстоногова?

- А радостно от того, что люди что-то делают для тебя и не говорят об этом. Вот это и есть сложенные крылья. У нас дефицит внимания друг к другу. Люди со сложенными крыльями восполняют этот дефицит.

- Я прошу меня простить, но как быть с известным тезисом, что театр – это террариум единомышленников?

- Я в это не верю. Это тезис для слабых людей, которые хотят оправдать свои слабости.

- А вы знаете, кто придумал это определение?

- Не знаю. И не интересно.

- А я все-таки скажу – Александр Ширвиндт.

- Это хорошая шутка талантливейшего человека. В фильме «Вокзал для двоих» он произнес еще одну замечательную фразу: «Какая кухня, такая и песня». Сейчас я репетирую «Вассу Железнову», и у моего персонажа есть такие слова: «Его добрым считают... совестлив, дескать... Знаю я эти шуточки – совесть да доброту! Видел-с... Они в деле – как песок в машине... И все это – одна игра, никому не нужна доброта, никому! Дай мне столько, сколько я стою, больше ничего... Ласки да шуточки оставьте себе, да-с!» Люди, которые считают театр террариумом, хотят жить именно на такой манер. Да какой же это террариум? Ведь если театр таков, то в нем не может быть творческого начала. Человека человеком сделало творческое начало, когда он взял в руки белый камушек, провёл линию на черной скале, и получилось море. Знаете, в Европе нашли скелет неандертальца, который прожил 70 лет. Это был инвалид детства, ничего не мог делать. Его выносили на солнышко, давали кусок мяса, за которым он не мог охотиться, давали воды... И это тоже было творческое, человеческое начало – помочь слабому. Увидеть красоту в цветке, в облаках, на водной глади, в силуэте

▲ С Сандро Товстоноговым

гор, в женщине, в смеющихся детях, почувствовать сострадание к немощному – это и значит быть человеком.

- А те, кто этого не видят, не замечают – они не люди?

- Как не люди?! Люди, конечно. Но их очень жаль – жизнь поставила их в такие предлагаемые обстоятельства, когда не до жиру, быть бы живу.

- Можете сказать коллеге правду, если вам не понравилось, как он играет?

- Я отношусь к категории тех людей (и я не единственный такой), которые всегда нервнируют общество. Которые говорят не так, как все. Понимаете, у меня есть мое мнение. Правильное или нет, но оно мое. Оно мне дорого. Оно настолько мое, что я могу из-за него совершить поступок. Или не совершать. Во время войны в Сухуми по телевизору призывали помочь стране, не отсиживаться дома. Я достал немного денег, оставил домашним и пошел записываться в армию. На призывном пункте объяснил, что у меня 11 военных специальностей. Одна из них – санинструктор. Я смогу под огнем вынести раненого и наложить повязку, пока не придет врач. Но стрелять не буду. Меня спрашивают: «А вы принесли 150 долларов?» – «Зачем?» – «Автомат купить». – «Я оставил жене и детям меньше, чем вы просите за автомат». И ушел. Для меня, человека, выросшего в Советском Союзе, где я был гражданином огромной страны, борьба с абхазом, осетином, чеченцем, украинцем – это борьба брата с

братом. Она мне претит. Я не политик и говорить могу только на эмоциональном уровне. И поэтому всю жизнь буду работать в театре.

- 40 лет назад вас, третьекурсника, ввели в спектакль «Жестокие игры» Арбузова. За эти годы вы сыграли в Грибоедовском огромное количество ролей – около 200. Коснуться в нашем разговоре каждой из них – нереально. Может быть, вы расскажете о режиссерах, с которыми работали?

- Работа с режиссером – это единственная тайна, которая осталась для меня в театре. Мы читаем произведение, каждый видит его определенным образом. И вот приходит человек, которого зовут Режиссер, и говорит мне о том, как он его видит. Сначала ты возмущаешься, чего-то не понимаешь, но, включившись, начинаешь вместе с режиссером работать, искать оправдание, понимание своему герою... Я бы хотел опять вспомнить Гиви Георгиевича Сарчемлидзе. Ему были свойственны глубина знаний, интеллигентность, доброжелательность и желание помочь. Работая с ним, ты чувствовал веру в тебя. В такие моменты ты начинаешь строиться, закладывается мощный фундамент. В прошлом году Гиви Георгиевич пришел на спектакль Валерия Харютченко «Мистическая ночь с Сергеем Есениным», где я играю. Посмотрел и сказал: «Миша, ты стал большим артистом. Только, пожалуйста, покрась волосы, я не хочу тебя видеть седым».

- А каким был Сандро Товстоногов?

▲ В спектакле «Смерть Тарелкина»

- Это был Монблан. Ему было 29 лет, когда он пришел в театр Грибоедова. Его приезд в Тбилиси в середине 1970-х годов взбудоражил город. Один за другим выходили прекрасные спектакли. Его театральный язык очень богатый, колоритный, четкий, емкий. Помню, Грибоедовский был на гастролях в Литве, и мы с Борисом Казинцом поехали привезти Георгия Александровича Товстоногова из Паланги в Вильнюс, чтобы он посмотрел спектакль Сандро «Райские яблочки» по пьесе Александра Котетишвили. Там был персонаж, который говорил про себя: «Я на стыке. Я нужен всем». И был одет в малиновый пиджак. На обсуждении Георгий Александрович говорит: «Сандро, а что это у тебя за персонаж, похожий на барабанщика из румынского оркестра?» Александр Георгиевич промолчал... А через несколько лет Россия превратилась в страну малиновых пиджаков. И эти пиджаки говорили: «Мы на стыке. Мы нужны всем. Мы все купим. Все наше». Сандро это понял раньше всех, в 1977 году. Он понял, что это павлины. Они покупают картины Шишкина и Айвазовского потому, что видели их в учебнике «Родной речи» в 3 классе.

- Трех медведей на конфетах видели.

- Да. А творческое начало – это совсем другое.

- Как работалось с Товстоноговым-младшим?

- Изумительно. Когда я репетировал, он от счастья бежал по залу. Да, было счастье... В 1975 году он набрал

курс, а в 79-м уехал из Тбилиси. Выпустил курс и уехал.

- Вы успели вскочить в последний вагон?

- Абсолютно точно. У меня в жизни все время именно так и получается. Я вскакиваю в последнюю дверь последнего вагона. Даже не в дверь, а хватаюсь за поручень... После Сандро в театр пришел Гизо Жордания – талантливый, умный, добрый, без всякой фамильярности человек. С колоссальным чувством юмора, как, кстати, и Гоги Кавтарадзе. Вообще грузинские режиссеры отличаются замечательным юмором. Они как-то по-особенному смотрят на жизнь, на человеческие взаимоотношения, понимая их истинную цену. Мне не было тяжело работать ни с одним режиссером.

- Несколько замечательных ролей вы сыграли в спектаклях Автандила Варсимашвили.

- Я благодарен ему за участие в «Терезе Ракен», «Мастере и Маргарите», «Гетто». С этими спектаклями у меня связаны прекрасные воспоминания. После показа «Мастера и Маргариты» в Театре имени Руставели ко мне подошел известный московский режиссер и сказал: «Михаил, вы столичный артист. Только не этой столицы...» А «Гетто» мы показали на фестивале «Встречи в России – Балтийский дом» в Санкт-Петербурге. По окончании спектакля, по тамошней традиции, состоялась встреча с критиками. Мы, несколько актеров из «Гетто», присутствовали на ней. Один из критиков сказал, обращаясь ко мне: «Я всегда думал, что Пьерро – француз. Увидев вас в роли Срулика, я теперь точно знаю, что Пьерро – еврей».

- Расскажите о ваших последних работах – Лепорелло в «Дон Гуане» Андро Енукидзе и Антиэго в «Мистической ночи...» Валерия Харютченко.

- Спектакль «Дон Гуан» - неоднозначный, странный. Приходилось не то чтобы ломать себя, но выстраивать новые правила игры и взгляда на жизнь. Спектакль Валеры Харютченко – это и есть русская школа, где главное – мысль. Конечно, присутствуют и чувства, и эмоции, но они не во главе угла. Самое важное – внутренний мир. Мы прослеживаем и определяем в этих героях и анти-героях последовательность их действий, их воздействие друг на друга. Русская школа – это психология, внутренний мир, подтекст, дребезжание струны, полет шмеля, звон кузнечика, тишина...

- И «на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса»...

- Может быть, так... Наша школа, грузинская – эмоциональная, на котурнах, героическая, жертвенная... Это другая школа.

- Вам знакомо чувство удовлетворенности?

- Никогда у меня не было такого чувства. Какая кухня, такая и песня. Какое отношение, такие и роли. Один из наших художественных руководителей вызвал меня на беседу и спросил: «Какие роли вы играли?» Я сказал: «Всю жизнь играю друга главного героя. И никогда – главного героя». Он посмотрел на меня... и оставил другом главного героя. А что – я же сам так сказал!

- Театр для вас – в большей степени радость или горечь, обида или удовольствие?

- Конечно, радость. Разве любимый дом, братья и сестры могут быть обидными? Иногда я чего-то не понимаю, с чем-то не согласен, но это моя семья. У меня вообще колоссальная семья. Мои родные братья – Чарли Чаплин, Лоуренс Оливье, Рамаз Чхиквадзе, Евгений Леонов.

- Актеры – особая категория людей. Простите за главный вопрос, но чем вы отличаетесь от меня, а я – от вас?

- Как чем? Вы барышня, а я – нет.

- А помимо этого?

- Психологией. Михаил Туманишвили спросил меня на вступительном экзамене – почему вы хотите стать актером? Я ответил: «Чтобы помочь людям». Прошло 40 лет, но и сегодня я ответил бы точно так же.

- Вы позволяете себе актерские розыгрыши на сцене?

- Мы, студенты, показывали в Рустави спектакль «Физику». Зритель был плохой. И мои однокурсники позволили себе на сцене какие-то шутки. Когда мы вышли за кулисы, я расплакался, мне было обидно – зачем мы вышли на сцену, если такое отношение к работе? Они подошли и извинились. Сандро Товстоногов говорил – в каждом театре есть только один-два актера, которые имеют право на импровизацию. А сейчас настали такие времена, что в театре есть один-два актера, которые не дают себе права импровизировать. Все, что я вижу сегодня в театральном мире и мире кино, – эти пошлые шутки, которые не поднимаются выше пояса. Великий Флобер написал книгу,

▲ Два поколения семьи Амбросовых

которая называется «Воспитание чувств». Добро можно воспитать даже в злом человеке. Но любить людей – это труд. У турок есть изумительная поговорка – пыль поднимается до небес. Да, поднимается. Но это пыль.

- Или так – пустая бочка громыкает громче.

- Компьютер, мобильный телефон не могут быть смыслом жизни. А творчество – может.

- Какова наша театральная молодежь?

- Замечательная. Только, дураки, не воспитаны. А каждый в отдельности – чудесный мир.

- Вы говорите – люди не меняются. Михаил Амбросов за эти годы изменился?

- Я отвечу словами моей мамы: «Сынок, глазами я сделала все дела, какие надо было сделать. Сил не хватает». Близкие люди мне напоминают – не забывай, ты не себе принадлежишь, ты нам принадлежишь.

- Почему ваши сыновья не стали артистами?

- Старший не захотел, а младшему я не разрешил. Он хотел быть режиссером. Сегодня он пишет сценарии. Закончил философско-филологический факультет Афинского университета, сейчас закрыл третий курс юридического. Старший – врач, работает в Москве, в крупнейшем диагностическом центре.

- Вы отмечаете дни рождения?

- Никогда в жизни.

- Как Пастернак, не любите свои дни рождения?

- Нет, не поэтому. Я помню, в детстве у нас не было возможности отмечать. Подарком была ласка родителей. Они говорили хорошие слова. Как-то раз мама купила мне книжку, которую я очень хотел – «Юность нового века» Архангельского. Она у меня хранится до сих пор.

- Чему вас успела научить жизнь?

- Надо делать больше хороших дел. Потому что все остается людям.

- А как ответите на вопрос из знаменитого опросника Марселя Пруста – что вы скажете богу, когда встретитесь с ним?

- Поблагодарю его за великое чудо – человеческую жизнь. А потом обязательно спрошу – не надо ли ему помочь?

Нина ШАДУРИ

Э. + Н.

Софико Шеварднадзе о своих бабушке и дедушке, Эдуарде и Нанули Шеварднадзе, а также о начале и конце и трех минутах, которые изменили ход жизни семьи и стали поворотной точкой в истории страны.

«В отличие от моих детей и внуков, я должна написать это поздравление в третьем лице. Я внезапно поняла, какое у них огромное преимущество по сравнению со мной, ведь они плоть от его плоти, в их жилах течет его кровь, они носители его генов. Они ростки на его жизненном древе. Тому, чтобы они зеленели, крепили и сияли, я посвятила всю свою сознательную жизнь. Нет, я ни чуточку им не завидую. Наоборот, я рада, что в них я вижу особенности и черты характера их папы, их дедушки. Я безгранично горда».

Из письма Н. своему мужу Э., в котором она поздравляет его с 70-летием.

О НАЧАЛЕ

Надо понимать, что Н. родилась в семье высокопоставленного военного и была любимой дочкой папы. Из троих детей она была младшей. Она очень любила свою солнечную квартиру в Гори, где мебель была отделана красным плюшем. Н. вспоминала, что в семилетнем возрасте в одно прекрасное утро она проснулась и впервые увидела своего папу без пояса – все равно что увидеть его раздетым. «Спи, доченька!» - успокоил ее папа, которого она больше никогда не увидит. Когда Н. вышла во двор, дети разбежались, и только одна девочка ей сказала: «Если мы будем с тобой играть, наших пап тоже арестуют». Спустя несколько дней ее маме сказали: «Жен тоже сажают». После этого мама и трое маленьких детей скитались по Западной Грузии с одним чемоданом, переходя из поезда в поезд, чтобы их не поймали. А вскоре вышел новый приказ: «Жен не трогать», и они наконец-то вернулись в свою квартиру в Гори. Войдя домой, Н. увидела, как незнакомый ей мальчик радостно прыгает на ее плюшевом диване. Поэтому у них не было другого выхода, кроме как переехать к дяде в Тбилиси и жить вчетвером в одной крохотной комнате в его квартире. Стоило только их маме найти работу, как она заболела туберкулезом.

Следующие десять лет жизни были посвящены тому, чтобы мама осталась в живых. Старший брат Кита работал военным доктором и всю зарплату присылал семье. Старшая сестра Додо всегда грустила и молчала и, как выяснилось впоследствии, страдала шизофренией.

Н. в семнадцать лет уже обладала сильной выдержкой, несгибаемой волей и была патологически гордой.

▲ Эдуард и Нанули Шеварднадзе

Мама уже давно не работала, а целыми днями сидела во дворе и вязала свитера на продажу. Однажды, присев к ней на лавочку, Н. впервые увидела, как мама вынула ватный клубок и кашляет в него кровью. Единственным желанием мамы было дожить до того дня, когда Н. исполнится восемнадцать лет. И ровно в этом возрасте Н. стала круглой сиротой.

Поздним летом пятидесятого года Н. уже было двадцать один. В этом году все, что присылал брат, а также собственную стипендию Н. решили потратить на отдых Додо. Чтобы не сгореть в плавящемся Тбилиси, Н. устроилась пионервожатой в Боржомском ущелье. Тот день, когда Н. с подружкой ждали поезд с детьми, ничем не отличался от всех других. Как только поезд остановился, из него вышел молодой человек и встал бок о бок с ней. Непроизвольно они посмотрели друг на друга и так же произвольно улыбнулись. «Боже, какая солнечная улыбка», - подумала Н., и, как ей позже признавался Э., он подумал то же самое. «Здравствуйте!» - низким голосом сказал он, и это была заря новой жизни, о существовании которой Н. и не подозревала ранее. В один прекрасный день Э. решил проводить ее, и Н. с опаской согласилась. Они оказались на ухабистой дороге, где Э. предложил взять ее под руку. Она абсолютно искренне, без тени кокетства сказала: «Что вы! Под руку меня впервые возьмет мой муж...» На второй день она уже спокойно согласилась на то, чтобы он проводил ее домой. На его вопрос: «Вы не решили, могу ли я взять вас под руку?» - она так же искренне ответила: «Ну если я уже второй день иду с вами гулять, разве вам непонятно, что здесь происходит?» Так проходило время. «А где вы учитесь?» - спросила она, сама не понимая, почему поинтересовалась этим так поздно. «В Высшей партийной школе», - спокойно ответил он. «Значит, вы будете партийным работником?» - «Да», - уверенно сказал он. Н. побледнела и попросила его немедленно проводить ее домой. «Что с тобой?!» - внезапно пере-

шел Э. на «ты» и взял ее горячую руку. «Наверное, он подумает, что я горячая, потому что у меня туберкулез», - пронеслось у нее в голове. «Нет, все хорошо, отведи меня домой, я тебе все завтра расскажу». Всю ночь Н. не смыкала глаз и пережила ночь, полную страхов и чувства безысходности. Вечером следующего дня они оказались одни на мосту, и она наконец-то ему сказала:

- Подожди. Ты же знаешь, что я сирота.

- Знаю, - сказал он.

- Но ты же знаешь, что я не такая сирота.

- Ну сирота и сирота, - сказал он, пожав плечами. -

Разве это какой-то недостаток?

- Мой папа... мой папа, - она боялась расплакаться.

- Что твой папа?

И тут она собралась:

- Знаешь что? Мой папа – очень порядочный, преданный и мужественный человек, которого арестовали и расстреляли. Если мы сейчас поженимся, твоей карьере конец. Я не хочу быть этому причиной и лишить тебя будущего. Я не обижусь: в любом случае во всем виновата я – я должна была тебе сказать об этом раньше. Я почему-то думала, что ты учишься на историческом.

Наступила гробовая тишина. Над ними висела огромная луна.

- Ну черт с ней, с карьерой! Ты думаешь, я променяю любовь на карьеру? Папа прислал меня в Тбилиси в четырнадцать лет, чтобы я стал доктором. Вот он обрадуется! - ответила ей Э. и с облегчением выдохнул. Как Н. позже вспоминала, в эту ночь был совершен ритуал самопожертвования.

О КОНЦЕ

У Э. и Н. уже были взрослые дети и внуки. Э. действительно окончил Высшую партийную школу и в течение последних тридцати лет занимал самые высокие руководящие посты. А Н. успела побывать женой ключевого министра огромной империи и первой леди маленькой страны. Э. считал, что для простого деревенского парня, который до восьмого класса босоногим бегал в школу, он прожил вполне полноценную жизнь.

После сложного, но уверенного продвижения по карьерной лестнице Э. дослуживал последние дни своего президентства – той маленькой страны, которую он возглавил двенадцать с лишним лет назад. На улице стоял ноябрь. И город был забит многотысячными толпами, которые требовали его отставки. Э. уже давно потерял свое бешеное обаяние – то ли в силу возраста, то ли от постоянных покушений на его жизнь, но отпечатки былого остались на его благородно вылепленном постаревшем лице. Н. все это время покорно и добровольно, в ущерб простому женскому счастью, но во имя той самой любви, создавала ему максимально простую жизнь. И, как она сама говорила, самые счастливые моменты ее жизни наступали тогда, когда выяснялось, что ее муж жив после очередного покушения. В свою очередь Э., как немногие мужчины, никогда не упрекал Н. в ее хронических – выдуманных и реальных – болезнях и даже ни слова не проронил в адрес ее старшей сестры Додо, которая чуть ли не до последнего жила с ними, и только после ее кончины он признался зятю, что в молодости вставал по ночам и смотрел, в порядке ли дети, которые спали в соседней комнате.

В те дни, когда на улицах разгоралась революция, от Э. веяло уверенностью и он казался отрешенным: может, от развитой духовности, к которой часто приходят в старости, а может, от оглушительной тишины вакуума, в который он себя поместил в последнее время. А она,

которая только и видела, как живо линчуют тех, кому она полностью посвятила жизнь, уже год как решила, что она не хочет говорить, ходить и, что больше всего поражало окружающих, она не хотела больше есть! Н., которая всю свою сознательную жизнь боялась голода и нищеты, боролась с лишним весом и уж точно никогда не могла себе отказать в куске слоеного пирога с сыром в сливочном масле. Вечером 23 ноября Э. пришел домой, где его ждали Н. и несколько членов семьи. В тот день вопрос стоял ребром: применить силу к демонстрантам или нет. Он пришел домой растерянным и побежденным: в этот день протестующие штурмом взяли здание парламента, где он выступал. Н., похудевшая на шестьдесят килограммов, в бирюзовом халате, встретила его в своей коляске и медленно произнесла: «Разве ты прольешь кровь?»

В этот же вечер в соседней резиденции Э. встречался с людьми, которые желали его отставки. Толпа людей уже стояла у ворот дома, где оставалась Н. и члены ее семьи. Начальник охраны сказал гасить свет, собрать все необходимое и готовиться к эвакуации. Ее, одетую в шубу и красивую косынку, спустили в коляске по лестнице. По центральному телевидению показывали огромный самолет и говорили, что Н. и члены ее семьи уже в самолете, чтобы улететь из страны. Глядя на Н., никто из окружающих не смел паниковать. Все сидели одетыми и ждали чего-то. С присутствием ей олимпийским спокойствием, которое всегда посещало ее во время очередного апокалипсиса, Н. попросила позвонить Э. На ее лице не дрогнул ни единый мускул.

- Милый мой, ты же два года изводишь меня с твоим «хочу в отставку, хочу в отставку». Что ты ж ты сегодня так разупрямился? - и на лице появилась легкая улыбка.

Через три минуты Н. и ее семье сообщили, что Э. ушел в отставку. Спустя еще несколько минут Э. вернулся к Н., которая твердила, что это счастливейший день в ее жизни, потому что теперь он будет сидеть дома и посвящать ей время. В ответ он взял с нее обещание, что она выздоровеет и заново начнет ходить. «Обещаю», - твердо сказала Н. Незадолго до смерти она действительно встала и прошлась, как и обещала.

В день ее 75-летия Э. на листке бумаги написал несколько фраз и принес записку на ее могилу. По просьбе к Патриарху Илии Второму Н. похоронена во дворе их дома.

«Моя Нанули... Жизнь без тебя оказалась непостижимым подвигом... С днем рождения, любимая! Твой Эдуард».

Софико ШЕВАРДНАДЗЕ

<http://www.snob.ru/selected/entry/47967>

ПОСОЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Петр Чхеидзе и Джон Шаликашвили ►

На беседу с «Русским клубом» согласился ас в деле дипломатии – Петр Петрович Чхеидзе, доктор юридических наук, первый посол независимой Грузии, представитель правительства Грузии при правительстве СССР, первый дипломатический представитель Грузии в России, первый чрезвычайный и полномочный посол Грузии в США, Афганистане и Туркменистане, в течение 10 лет – постоянный представитель Грузии при ООН, и это далеко не полный перечень его должностей и званий.

Очень занятой человек, мобильный которого звонит постоянно, Петр Петрович уделил нам почти 5 часов своего времени. Не скрою, он был не вполне удовлетворен разговором. «Вы заставили меня слишком много говорить о себе», - с улыбкой заметил Чхеидзе. А для меня в нашей беседе это и было самое ценное.

Мы поговорили, пожалуй, лишь о тысячной части того, что довелось пережить, испытать и совершить Петру Петровичу. Остается надеяться, что он все-таки примет решение написать книгу воспоминаний. Забегая вперед, скажу, что некоторые фрагменты беседы могут вызвать у читателя неоднозначную реакцию, но это рассказ о событиях, участником которых был сам Петр Чхеидзе.

- Петр Петрович, давайте начнем с самого начала.

- Ну что ж, давайте попробуем. Я родился в 1941 году в Тбилиси. Учился в 6-й мужской, а затем в 55-й школе. У нас был замечательный класс. Вообще, мне повезло – вокруг всегда были интересные и позитивные люди. С одноклассниками и однокурсниками мы дружим до сих пор. Те, кто еще жив... После школы поступил на юридический факультет в университет.

- Почему решили поступать на юридический?

- Затрудняюсь ответить. В семье юристов не было. Отец окончил железнодорожный институт в Москве. Потом вернулся в Тбилиси, познакомился с моей мамой, студенткой медицинского института, и за компанию с любимой девушкой получил второе высшее образование – медицинское. Юристом был мой дядя – точнее, муж моей тети, Исидор Долидзе. Выходец из очень бедной гурийской семьи, он, как говорится, босиком пришел в Тбилиси и всего добился сам, стал академиком, секретарем ЦК Компартии, председателем

Верховного суда, вице-президентом Академии наук Грузии. Честно говоря, он меня не очень жаловал – я не был прилежным и усидчивым, хотя учился хорошо. И особо не философствовал насчет своего будущего.

- Вы были комсомольцем?

- В школе в комсомол меня не приняли. Я-то не обращал внимания. Но на это обратили внимание в приемной комиссии университета и не приняли мои документы. Пришлось просить о помощи. 28 июня меня приняли в комсомол, а на следующий день я сдал документы в университет.

- А в партию вступили потому, что так было надо?

- Да нет... Но сказать, что я был диссидентом, будет неправдой. В партию меня приняли в 1965 году, когда я работал в прокуратуре. Я никого об этом не просил. Сами предложили и приняли, это было престижно.

- Каким студентом вы были?

- Учился я неплохо. После первого курса мы с другом проходили практику в Управлении милиции. И нам

предложили остаться. Летом, на каникулах, я начал работать в уголовном розыске. Два с лишним года одновременно работал и учился. Мои родители об этом ничего не знали. Наш факультет был дневной, но лекции шли вечером, так что я все успевал.

- Дома так и не узнали, что вы работаете в розыске?

- Конечно, узнали. Отец заставил меня написать заявление об уходе, и с 4 сентября я уже не работал. Но все было к лучшему, потому что я перешел на 4-й курс, и надо было заниматься больше, чем раньше. В 1963 году закончил университет. Вскоре получил назначение в прокуратуру – стажером. В прокуратуре я попал в окружение блестящих профессионалов, высококвалифицированных юристов. Для меня началась настоящая школа. Год я был стажером, два года – следователем, потом – старшим следователем городской прокуратуры. И, наконец, - следователем по особо важным делам при прокуроре Грузии, тогда их было всего пять.

- Уровень преступности в те годы был высокий?

- С нынешними временами не сравнить. Кроме того, и это очень важно, в правоохранительной системе работали только профессионалы. Причем всех на-

▲ С Католикосом-Патриархом Всея Грузии Илией II

циональностей – грузины, армяне, осетины, евреи... Вы знаете, в молодости я даже не задумывался об этом. Мне, например, казалось, что осетины – это тоже грузины, как гурийцы, например, или рачинцы... В прокуратуре я расследовал серьезные дела. В основном в Мингрелии и Абхазии. В Сухуми, Гаграх, Гудаута проводил по 9 месяцев в году.

- К тому же еще и защитили диссертацию.

- Да, но пока писал диссертацию, продолжал работать – был инструктором горкома, потом стал заместителем заведующего, а после – заведующим отделом административных и торгово-финансовых органов. Это был один из самых важных отделов в горкоме. Одновременно с работой в горкоме я поступил в аспирантуру в Московский институт государства и права.

- О чем была ваша диссертация?

- Тема была практической – «Разграничение убийств». Прокурор республики Павел Бердзенишвили поручил мне заняться этим вопросом. Я изучил 1500 дел по Грузии. Стопки дел в моем кабинете доставали до потолка. В 1975 году защитился, защита была закрытой – тема оказалась социологически резонансной. Говоря откровенно, я по природе не ученый. Но, несмотря на это, мне пришлось много раз защищаться – я закончил Высшую партийную школу, учился в Академии общественных наук. А потом поступил в Дипломатическую академию МИДа.

- Почему вы решили идти в Дипакадемию?

- У меня было желание увидеть мир. Я мечтал об этом. В советское время для этого надо было или закончить Академию внешней торговли, или идти по дипломатической линии. Я выбрал второе. В июне защитил кандидатскую, в июле сдал вступительные экзамены в академию и в сентябре уехал из Грузии.

- Попасть туда, наверное, было непросто?

- Это было очень серьезно, очень сложно и удалось не сразу. Мне помогали и болели за меня почти все, особо помогла Виктория Сирадзе. Она вошла с ходатайством к Эдуарду Шеварднадзе, он его подписал, и меня, после долгого рассмотрения, допустили к экзаменам в академию. На нашем курсе училось 16 человек, это был спецнабор – в то время один раз в 5 лет набирали партийных работников со всего Союза. Считалось, что для морального укрепления состава заграничных работников. С детства я учил немецкий язык – мама окончила немецкую школу, и мы с братом по-немецки говорили лучше, чем по-русски. Я заранее радовался, что учиться будет легко. Не тут-то было. Мне сразу сняли немецкий язык и дали английский. Занимались с 8 утра до 10 вечера. Заданий задавали столько, что в 3-4 часа утра от усталости я падал со стула. Потом привык. На третьем курсе получил направление на практику – на полгода в Лондон. Все было оформлено, документы готовы. И вдруг меня вызывают в МИД и сообщают, что я никуда не еду. Как выяснилось, из Грузии пришел донос о том, что я собираюсь вывезти семью на Запад, что у меня родственники в Париже, которые хотят передать мне наследство... Это был 1977 год. Даже в 1978 году, когда я заканчивал Дипакадемию, на меня написали анонимку, что я хвастаюсь, мол, сейчас Шеварднадзе снимут, а меня назначат. (Смеется).

- Петр Петрович, но это не смешно.

- Ничего-ничего, это всегда так. Но с Лондоном было серьезно. Понимаете, я дипломат, а про меня пишут ужасные вещи и не пускают за рубеж. И тогда мой друг, секретарь Бауманского райкома Сергей Куреев, позвонил Юрию Андропову и поручился за меня своим партийным билетом. Андропов распорядился, чтобы в Грузии изучили мой вопрос. Через два месяца меня вызывают и говорят – все в порядке, поезжайте в Лондон. А я отказался. Я был очень обижен тем, что мне не верят. Потом прошло время, успокоился. Завершил учебу, защитил тему «Советские предложения по запрещению оружия массового уничтожения и

▲ С Кофи Аннаном

систем такого оружия». Сложная тема – я 7 месяцев просидел в архиве МИДа, изучая материалы.

- Как складывалась ваша карьера после окончания Дипакадемии?

- Я выбрал многостороннюю дипломатию, т.е. международные организации, изучающие глобальные вопросы. Для примера: посол США в Грузии – это двусторонняя дипломатия. А ООН – многосторонняя. По окончании меня направили в отдел международных организаций Министерства иностранных дел СССР. Кстати, со мной работал Андрей Козырев, он был атташе Управления международных организаций МИД СССР, мы сидели в одном кабинете – знаменитом ооновском кабинете «1010» - на 10 этаже МИДа. А потом я уехал в Нью-Йорк – получил назначение в советское представительство при ООН. Прошло 2-3 месяца – ни одного поручения. Напротив меня сидела заведующая канцелярией, опытная дама, и я целый день читал газеты и слушал стук пишущей машинки. Я не выдержал и написал заявление на имя Олега Трояновского, постоянного представителя СССР при ООН: прошу откомандировать на родину, поскольку я здесь не нужен. Первым замом Трояновского был Михаил Харламов, бывший председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению. Он мне сказал: «Сынок, с таким заявлением я сталкиваюсь первый раз. Ну и что, что не дают поручений? Подожди, придет твое время». Такого заявления, как мое, действительно никогда не было. Бывали другие заявления, например, такое: прошу продлить командировку, поскольку наша семья не успела купить холодильник. Харламов мое заявление порвал. И я остался.

- Сложности были?

- Расскажу случай. У моего друга, эмигранта-еврея (впоследствии миллиардера) Тимура Сепиашвили родился сын. Мы с женой, естественно, поехали в гости – это была очень близкая нам семья. На второй день прихожу на работу, и меня приглашает к себе офицер по вопросам безопасности. «Где вы вчера были?» – «В Куинзе, у моего друга». В те годы эмигрантов считали изменниками родины, к тому же мероприятия проходило в синагоге. У меня возникли проблемы. Я заявил - если мне не доверяют, и я не могу свободно общаться с кем хочу, то не вижу смысла пребывания здесь. Прошло немного времени, и мне сказали: «Петр Петрович, вас изучили. Встрчайтесь с кем хотите. Мы вам дове-

ряем». Понимаете, я действительно не могу работать, если нет доверия.

- А что, чекисты так жестко контролировали круг общения советских специалистов?

- Ну а как же! Все советские сотрудники, работающие за границей, должны были сдавать списки своих контактов. Кстати, так же, даже еще строже было у американцев.

- Как работалось в советском представительстве при ООН?

- Очень интересная работа – в Совете безопасности, в комитетах ООН, изучение и обсуждение глобальных и региональных проблем, координация позиции и действий с представителями более 190 государств, выяснение подходов правительств к интересующим руководством направлениям. Я активно работал в пятом комитете, который рассматривал кадровые и бюджетно-финансовые вопросы. Три года занимался продвижением советских специалистов в международные

▲ С Эдуардом Шеварднадзе

организации. Два года руководил референтурой по связям со страной пребывания. Три раза организовывал приезд министра иностранных дел СССР Андрея Громыко в Нью-Йорк. Подготовка началась за два-три месяца. Это был тяжелый период начала 1980-х. В 1979 году советские войска вошли в Афганистан, 1 сентября 1983 года был сбит южнокорейский пассажирский «Боинг 747». Отношение к советским людям очень изменилось. Взрывали наши машины. Знакомые американцы просили не здороваться на людях, владельцы кафе и бутиков уже не приглашали. И я горд, что у меня есть три благодарности от Андрея Андреевича. Работая в ООН необходимо знать вопросы и иметь свою позицию. Если ты своего друга-посла во время дискуссии поддержишь по всем вопросам, то

ни дружбы не будет, ни уважения. Если у тебя нет позиции, ты никто. И никого уму-разуму учить не надо. Кстати, Эдуард Шеварднадзе мне несколько раз говорил – не надо никого учить, все равно не научишь. Еще и обидятся.

- Сколько лет вы проработали в советском представительстве при ООН?

- Шесть лет. Меня отозвал Шеварднадзе. Да я и сам хотел вернуться. Приехал в Тбилиси, возглавил отдел зарубежных связей ЦК. Чувствовал, что нахожусь на своем месте. И старался всем помочь. Был такой случай. Кинорежиссер Отар Иоселиани просился во Францию. Рассматриваем вопрос, и заместитель председателя КГБ Алексея Инаури, не буду называть его фамилию, говорит: «Мы против». А я говорю: «Если вы против, давайте проголосуем». Все растерялись, ведь если КГБ говорит «нет», это значит «нет», и точка. Какое может быть голосование! Но я поднял руку, и – раз! - все проголосовало «за». Отара Иоселиани я поддержал потому, что по себе знаю – побывав за границей, увидев все своими глазами, по-другому на все смотришь. Это не значит, что будешь меньше любить свою страну. Когда я прилетал в Шереметьево, то чувствовал, что приехал на родину. Наша родина была Советский Союз. И попробовал бы тогда мне кто-нибудь в Москве сказать – убирайся к себе в Грузию, я бы послал подальше! Конечно, Грузия для меня – это главное. Но мое отношение к СССР – это отношение к родине.

- Когда вы поняли, что Советский Союз обречен?

- Это стало очевидно уже в 1986 году. Все шло к развалу. Не Горбачев, не Шеварднадзе и не Яковлев развалили страну. Это была запланированная работа степ бай степ, шаг за шагом.

В конце 80-х в Советском Союзе начались центробежные движения, и в Грузии в том числе. Начались волнения в Абхазии, Южной Осетии. Я свидетель всего этого. Я видел, что все разваливается, и ничто этот процесс не остановит. В феврале 1988 года у меня была информация о том, что в Абхазии, в селе Лыхны скоро будет подписан документ об отделении. К сожалению, в тот период у нас не было лидера, чтоб исправить ситуацию. Весь 1989 год я провел в Сухуми.

▼ На митинге с Звиадом Гамсахурдиа

Никого не виню, но все-таки мы совершили много ошибок. В принципе – шла лавина, которую нельзя было остановить. Кроме того, у нас не было лидеров. Эдуард Шеварднадзе лидером был, как хочешь его критикуй. А Звиад Гамсахурдия, став президентом, не знал, как надо работать. Понимаете, мы, партийные работники, все сдали и ушли без борьбы. Мы из здания ЦК вышли так, что ни карандаша не взяли с собой. Да, были у нас жулики, но я могу назвать фамилии секретарей и заводчелами ЦК, которым через месяц после ухода оттуда нечего было есть. Как мы работали в советское время? Мы считались с обществом. Я из горкома не уходил раньше 12 часов ночи. Ездил по городу, проверял плодоовощные магазины, садился на подъемник, когда собирали картошку, проверял, в какое время завезли хлеб в булочные... Мы старались. Но, видно, сама система была создана неправильно. Потому и развалилась.

- Два года вы возглавляли Совет профсоюзов Грузии.

- Я не профсоюзник. Это единственное место, где я

▲ С Мадлен Олбрайт

не чувствовал себя хорошо. Хотя я создал конфедерацию профсоюзов, абхазы, и осетины приезжали на мой президиум, ни разу не пропустили. Я давал им решать свои вопросы самостоятельно. Приезжал, советовал, но никогда не приказывал. Не хотел командовать и дал им возможность работать. Но ничего нельзя было поделать, шел процесс развала.

- А чем вы занялись, когда ушли из профсоюзов?

- В 1991 году стал постоянным представителем Грузии при правительстве СССР, кстати, меня Звиад назначил. А в конце года, 8 декабря, было подписано Беловежское соглашение, СССР прекратил свое существование. И я оказался представителем Грузии при правительстве России. Летом 91-го уехал вместе с женой в свою деревню Опча в Западной Грузии. Однажды утром просыпаемся – по телевизору показывают «Лебединое озеро». Это было 19 августа 1991 года. Путч. 21 августа я вылетел в Москву. 14 сентября вернулся в Тбилиси, где уже шли антиправительственные митинги. До возвращения в Грузию Шеварднадзе оставалось полгода.

- Какие отношения были у вас с Эдуардом Шеварднадзе?

- Мы были в очень хороших отношениях вплоть до того, как он уехал в Москву, став министром иностран-

▲ С Биллом Клинтон

ных дел СССР. В январе 1990 года я в течение двух часов высказывал ему все претензии. Его супруга присутствовала при этом разговоре, но не выдержала, ушла. Не могу вам рассказать, о чем мы говорили, - это был разговор с глазу на глаз. Потом я с ним встретился на последнем съезде компартии в Москве, в июле 1990 года, и сказал – мне нужно 5 минут, никаких просьб нет, только несколько вопросов. «О, обязательно!» Но встреча не состоялась. Шеварднадзе окончательно ушел с поста министра в начале декабря 91-го. В середине января мне позвонил мой друг Гурам Мгенадзе, попросил, чтобы я с ним встретился... То, что я сейчас вам расскажу, говорю впервые. Приезд Шеварднадзе в марте 1992 года наметил и подготовил я – и время, и дату, и самолет, и список пассажиров. Я за ним заехал на ЗИЛе, привез в аэропорт и посадил в самолет. В самолете сидели мои друзья из прокуратуры и МВД. Правительство Грузии узнало об этом за день. Хотя еще в феврале я поставил вопрос перед главой правительства Тенгизом Сигуа и министром обороны Тенгизом Китовани о приезде Шеварднадзе. Они хотели предложить Шеварднадзе место министра. Я Китовани сказал: «Как ты себе это представляешь? Эдуард Шеварднадзе с папкой в руках сидит и ждет в твоей приемной?» В Тбилиси мы с Шеварднадзе прилетели вместе, но я с самолета вместе с ним не сошел. Меня ждала машина, и я уехал. А на второй день Тенгизу Сигуа принесли несколько телеграмм – от бывшего госсекретаря Бейкера и других известных политиков: «Поздравляем грузинский народ с возвращением президента Шеварднадзе». Подстроено было, конечно... 10 марта 1992 года он был назначен председателем Государственного Совета Грузии, сменившего Военный совет, и стал главой государства. В то время я готовил все встречи и мероприятия с его участием. Решались многие вопросы, о которых я пока не хочу говорить. Во всяком случае, Шеварднадзе говорил: «Запомните, все, что скажет Чхеидзе, согласовано со мной».

- А как вы стали послом Грузии в США?

- Шеварднадзе мне сказал: «Я хочу, чтобы ты стал

первым послом Грузии. Но не хочу, чтоб первое посольство Грузии было в России. Поезжай в США». Около 7 месяцев я противился – первый раз он мне это предложил в августе 1992 года, а согласие я дал в феврале 1993 года. В мае 1993 года в качестве посла Грузии я уехал в Вашингтон.

- С чего началась ваша деятельность в качестве посла?

- Я ведь одновременно работал и в Нью-Йорке – в качестве постоянного представителя Грузии при ООН. Два года мотался между Вашингтоном и Нью-Йорком. Спал в машине. Это было невозможно, и спустя два года попросил разделить эти два поста и остался в Нью-Йорке... 13 июня 1993 года первый раз встретился с президентом Клинтон и его супругой. В течение года я встречался с Клинтон 11 раз. Несколько раз, без предварительной договоренности, я приводил к Эдуарду Амбросиевичу госсекретаря США Мадлен Олбрайт, и они беседовали по несколько часов, я переводил. Конечно, это был интерес не ко мне, а к Шеварднадзе. Я представлял маленькую страну, которая не платит взносы в ООН. В этом случае 19 статья автоматически снимает право голоса, а у меня право голоса было постоянно. Я дружил со всеми послами. В год посылал в Грузию 700-800 писем. С Шеварднад-

▲ С Сапармуратом Ниязовым

зе по телефону говорил 2-3 раза в неделю. Министром иностранных дел России тогда был мой старинный друг Евгений Примаков. Сергей Лавров был моим коллегой в Нью-Йорке. Я и тогда говорил, и сейчас повторяю: я предлагал Шеварднадзе создать треугольник Вашингтон-Тбилиси-Москва и сформировать группу по особым вопросам. Дело так и не сдвинулось с места. Вообще, много чего не было решено... В 2002 году я уехал послом Грузии в Афганистан. Параллельно работал в Туркменистане. А потом меня сняли.

- За что сняли, если не секрет?

- Какие секреты! Это было в июне 2004 года. Президентом Грузии уже был Саакашвили, министром иностранных дел – Саломэ Зурабишвили. Мы с ней познакомились в 1979 году в Нью-Йорке в пятом комитете, она пригласила к себе Зураба Церетели, Ило Бараташвили и меня. Потом встречались еще несколько раз. Она заменила всех послов Грузии. О том, что меня освободили, я узнал по телевидению. На второй день пошел попрощаться к президенту Карзаю, затем к Туркменбаши. Когда я стал послом в Туркменистане,

▲ С Сергеем Лавровым

у нас был долг в 500 с лишним миллионов. А через два года остался долг в 50-60 миллионов.

- С Михаилом Саакашвили вы знакомы давно?

- Он со мной познакомился сам во время моего приезда из Нью-Йорка в Тбилиси – я тогда был послом в США. Подошел и сказал – здравствуйте, я Миша Саакашвили, племянник Темура Аласания. Потом мне предложили взять его в Нью-Йорк сотрудником, по этому поводу несколько десятков членов Госсовета обратились с просьбой к президенту. У меня это письмо хранится. Там 37 подписей и резолюция Шеварднадзе: «Чикваидзе, Чхеидзе – прошу рассмотреть и доложить». Я отказался брать Саакашвили. Не захотел, потому что он кляузник и не дал бы нормально работать. Мне его дядя в 1998 году сказал: «Поддержи его, Зура (у Петра Петровича в Грузии есть и второе имя – Зураб – *Н.Ш.*). Он станет президентом». Я отмахнулся: «Конец придет Грузии, если такого, как твой племянник, выберут президентом».

- ?!

- Все так и было. Можете публиковать. Вообще, я вам рассказываю то, что можно опубликовать.

- Правильно ли себя вел Шеварднадзе?

- Так, как американцы впоследствии помогали Саакашвили, ему не помогали. И ему было реально тяжело – поднять страну очень, очень трудно. Например, в 1992 году выделили 100 миллионов долларов Украине, а Грузии, Армении, Молдове и Азербайджану – 100 миллионов на всех. Я не хочу критиковать Эдуарда Шеварднадзе. Он сыграл огромную роль в истории страны. Но в какой-то период сдал. С 1997 года не был похож на себя. Его стали раздражать вопросы... Иногда я думаю, может, было бы лучше, если бы мы дошли до самого дна и оттуда начали подниматься? У меня нет ответа... Самое важное – это экономика и самосознание. Надо думать о своих проблемах, о том, что нужно Грузии. Народ должен осознать, куда он идет. У нас великая история. У нас были великие физики, математики, химики, горные инженеры... Но в какой-

то момент оказалось, что все это неважно, что мы – общество-сервис, которое должно работать в курортных гостиницах. Не должно быть ни Академии наук, ни некоторых факультетов – мы же шли к этому. Консерваторию собирались закрыть, от Академии художеств избавиться. Мы не знаем, что нам надо. Поэтому и работаем неправильно.

- А как должны строиться отношения Грузии с Россией?

- Если произошел конфликт, необходимы переговоры. Уже не важно, кто прав, кто виноват. Главное – начать разговор. Для Грузии дружба с Россией необходима и естественна. Мы очень близки. У нас общая культура. Нам необходимо общаться. Мы маленькая страна. Что будет с нами? Мы должны молиться и каждый день свечку ставить, чтобы в России все было хорошо. Думаю, Грузии необходимо наладить отношения с Россией. Мне обидно – то, что сохранили наши предки на протяжении веков и передали нам, мы теряем. Не знаю, как можно решать проблемы с врагом. Это возможно только с другом. Наши проблемы не решатся без России, поэтому нам надо дружить.

- Вы понимаете, что у вас довольно маргинальные взгляды? Прежде всего, для грузинской молодежи.

- Что поделаешь? Я этого никогда не боялся. Не уважаю политиков, которые говорят народу только то, что народу нравится. Ненавижу, если честно. Ты должен выражать свое мнение. Говорить кому-то в угоду – нет, никогда. Я не говорю, что мое мнение – это истина. Нет. Но так думаю я.

- Как вы оцениваете сегодняшнее положение в Грузии?

- Бидзина Иванишвили нас спас. Я не денежный человек, но я бы нашел деньги, чтобы построить ему памятник за то, что он освободил нас от Саакашвили и его клана. Но Бидзина Иванишвили должен или остаться в политике (думаю, это было бы хорошо), или отойти от всего. Иначе ни у кого не будет чувства настоящей ответственности. Никто не вырастет. Пусть партии работают, борются, пусть избиратели выберут одного, через четыре года – другого, потом третьего. Именно в этом процессе воспитываются политики. Поднять государство, повторяю, - сложнейшая вещь. Не в том дело, чтобы уважать Россию или Америку – надо прежде всего уважать свою страну.

- Чем вы сейчас занимаетесь?

- У меня есть лошадь. Каждый день езжу верхом. В Москве создаю Фонд. Пока не хочу говорить об этом подробно. В свое время мне в Америке дважды предлагали получить на семью американские паспорта. Но мне было немало лет, и я знал, что бесплатных обедов не бывает. Я много думал и отказался. Потому что считаю это ниже своего достоинства.

- Петр Петрович, когда вы напишете книгу о том, что пережили, что знаете?

- Я собирался. У меня огромный архив. Только моих выступлений в Совете Безопасности по вопросам Абхазии – тома четыре, не меньше... А потом прочитал те книги, которые написали мои друзья, живущие в Грузии, и решил ничего не писать. Слишком много получается о себе. Как-то неловко.

- Я не могла не заметить – вы часто произносите словосочетание «прекраснейший человек»...

- Мне в жизни очень везет на интересных, замечательных людей. И еще – я уважаю тех, кто не меняется. Это прекраснейшие люди.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

ТИФЛИС! ТЫ ЖИВ ВО МНЕ...

▲ Гамлет Назарьян

Гамлет Назарьян родился в самом начале минувшего века в интеллигентной тифлисской семье. Получив дома начальное образование, он окончил затем одну из престижных гимназий столицы Кавказского края. Довольно рано он проявил удивительную способность к изучению языков: кроме родного, армянского, он быстро и легко овладел русским и грузинским, персидским и турецким. В гимназические годы к ним прибавились еще французский, итальянский и немецкий, а также мертвые языки – латинский и ассирийский. Влекли его также литература и история, поэзия Востока, особенно классика средневековой Персии.

В родительском доме на Ольгинской улице неред-

ко собирался цвет интеллигенции Закавказья, а также весьма известные люди из Центральной России. Здесь звучала классическая и народная музыка, исполнялись отрывки из спектаклей, читались стихи. Общение с выдающимися деятелями культуры во многом способствовало эстетическому развитию юноши. Гамлет много читал, изучал историю живописи и музыки, прозы и поэзии Востока и Запада. И сам писал стихи, публикуя их в периодических изданиях Тифлиса. Уже много лет спустя, на закате жизни, он набросал в тетради несколько отрывистых фраз: «Ранняя юность моя. Тифлис... Писал белые стихи. Для себя. Цикл был напечатан при помощи товарищей-полиграфистов. Тираж – 75 экземпляров. Маленькая такая книжица. Назвал я ее «Сны»... Все померкло в дряхлеющей памяти. Забыто. Решил восстановить по крупичкам и записать. Так, для себя...

НОЧЬ

*Лунно в подлунной.
В полынных долинах
Покоится
Лунная ночь.
И лани желаний,
Вытянув шею,
Пьют
Аметистовый дождь.*

КАНАЛ

*Палаццо!
Палаццо!
Палаццо!
И вижу –
Вечер – немой гондольер –
Зажег
Закатной феерией
Кровавые окна дождей
И хрустальные руки каналов...*

Вторым, после поэзии, увлечением был для него театр. Можно предположить, что тут сказалась наследственность – отец юноши был страстным театралом и почитателем Шекспира: потому-то дети его были наречены именами персонажей английского драматурга – Гамлет, Лаэрт и Офелия. Несколько лет начинающий поэт совмещал высокое искусство со службой в армянской драматической труппе города в качестве суфлера, литературного сотрудника и актера.

В 1924 году, уже в советизированной Грузии, Гамлет становится студентом историко-филологического факультета недавно созданного Закавказского университета народов Востока (ЗакУНВ). В годы учебы он продолжает активно печататься, с энтузиазмом романтика восприняв новую эпоху. Но вдруг, за несколько месяцев до получения диплома (в конце 1928 года), отлично успевавший студент, мало интересовавшийся прежде политикой и идеологией государства, вдруг вступил в конфликт с руководством учебного заведения: университет пришлось оставить. Но уже скоро деятельный и работоспособный Гамлет создает при Наркомпросе Грузии этнографический ансамбль и становится его художественным руководителем.

С ранних лет влюбленный в страну древней цивилизации, культуры и классической поэзии – Персию – тифлисский армянин стал подписывать свои публикации творческим псевдонимом «Иранцев», который на протяжении всей последующей жизни стал состав-

ной частью его фамилии и вошел во все официальные документы. Молодой литератор, страстно мечтавший посетить сопредельную страну, начал публиковать свои сочинения в популярном тогда журнале «На рубеже Востока», редакция которого, вняв настойчивым просьбам талантливого автора, и отправила Гамлета в желаемую командировку. Результатом этой поездки и явились две путевые заметки, опубликованные в этом журнале и подписанные псевдонимом «Иранцев».

Позднее Г.Назарьян-Иранцев, заведующий методическим отделом Закавказского общества пролетарского туризма и экскурсий (ЗОТиЭ), много ездил по городам и весям различных республик страны. Затем его пригласили занять должность заведующего литературной частью популярного в те годы ансамбля музыки и песни государственной филармонии под руководством композитора Ерванда Сагаруни.

В годы сталинских репрессий, потеряв практически всю свою родню, Гамлет Аркадьевич был вынужден покинуть Закавказье. Проработав некоторое время в Куйбышеве художественным руководителем, лектором и администратором Пушкинского концертного ансамбля областного гастрольного бюро, он подготовил и провел цикл различных мероприятий, посвященных 100-летию со дня смерти великого поэта России.

В 1938 году его приглашают на Украину, и он до 1941 года живет в Чернигове, где возглавляет одновременно литературную секцию областного лекционного бюро, художественную студию в местном Доме Красной Армии и в областной филармонии. В это же время Гамлет Аркадьевич не только печатает свои многочисленные статьи по проблемам литературы, культуры и искусства на страницах областных газет, но и читает лекции в городах и районах области.

Об «украинских» годах отца мне долгое время почти ничего не было известно. И только после его смерти, находясь на научной конференции в Оренбурге, я познакомился с местным писателем, довоенная юность которого прошла в Чернигове. Это случайное знаком-

ство и позволило мне узнать важные подробности биографии своего родителя. Как выяснилось, Леонид Большаков (так звали этого оренбургского писателя) в конце 1930-х годов был слушателем черниговской литературной студии, которой руководил Гамлет Назарьян. При прощании Леонид Наумович подарил мне свою книгу с трогательной дарственной надписью:

«Рубену Гамлетовичу Назарьяну с о с о б ы м чувством!

Первым в моей жизни армянином – «эталонным» представителем своего народа, одним из первых – для меня – людей з а в и д н о й к у л ь т у р ы (помню его «речевые» уроки) был – с юности – «бесфамильный» (в моей памяти) Гамлет Аркадьевич. Теперь он обрел фамилию и это фамилия – та же, что и у Вас. Чу память Вашего отца, желаю счастья сыну и всему роду Назарьян.

18 сентября 1983 года. Оренбург»...

А затем была война. Подобно многим литераторам и людям искусства, отец сражался идейно, будучи начальником политпросвета 26 Управления оборонного строительства (УОС) и руководя лекторской группой 6-ой Саперной армии, в состав которой входили писатели и журналисты, актеры и музыканты. Он выступал перед бойцами с циклом литературных сказов-композиций об Александре Суворове и Александре Невском, о легендарных богатырях земли русской, о славной истории государства Российского, о подвигах его сынов и о подлинном патриотизме...

После серьезного ранения и последовавшей затем демобилизации, Гамлета Аркадьевича направляют в Узбекистан, с которым будет связана вся его последующая жизнь. Здесь он неоднократно бывал и раньше, сопровождая группы туристов. Прекрасное знание персидского и турецкого языков позволило Гамлету Аркадьевичу в короткое время овладеть близкородственными им таджикским и узбекским, что в значительной мере способствовало быстрой адаптации уроженца Закавказья на новом месте. Сначала он (единственный беспартийный) в качестве одного из ведущих лекторов Центрального лекционного бюро при ЦК КП республики, читал лекции и вел патриотическую пропаганду в тыловом Ташкенте, затем выезжал с лекциями во все области Узбекистана, одновременно создавая там филиалы вышеназванного бюро. Потом трудился последовательно в должности заведующего Бухарским областным лекторским бюро, консультантом по вопросам культуры местного облисполкома, преподавателем литературы и истории в ряде ВУЗов республики, сотрудником газет в различных областях Узбекистана. Он продолжал читать лекции, принимать активное участие в создании ряда музеев Узбекистана, вести литературные студии, организовывать народные театры, в которых сам был одновременно художественным руководителем, режиссером и актером. Без его участия не обходились и областные власти при организации декад литературы и искусства различных республик. Жизненный путь Гамлета Назарьяна завершился в Самарканде зимой 1980 года...

Предлагаемые сегодня вниманию читателей некоторые выписки и разрозненные записи разных лет сохранились в его домашнем архиве. Они были сделаны в разные годы и в разных ситуациях. Но где бы и в каких ситуациях не находился Гамлет Назарьян, он всегда с особым чувством вспоминал свое детство и юность, прошедшие в Тифлисе... Лучшие годы его жизни...

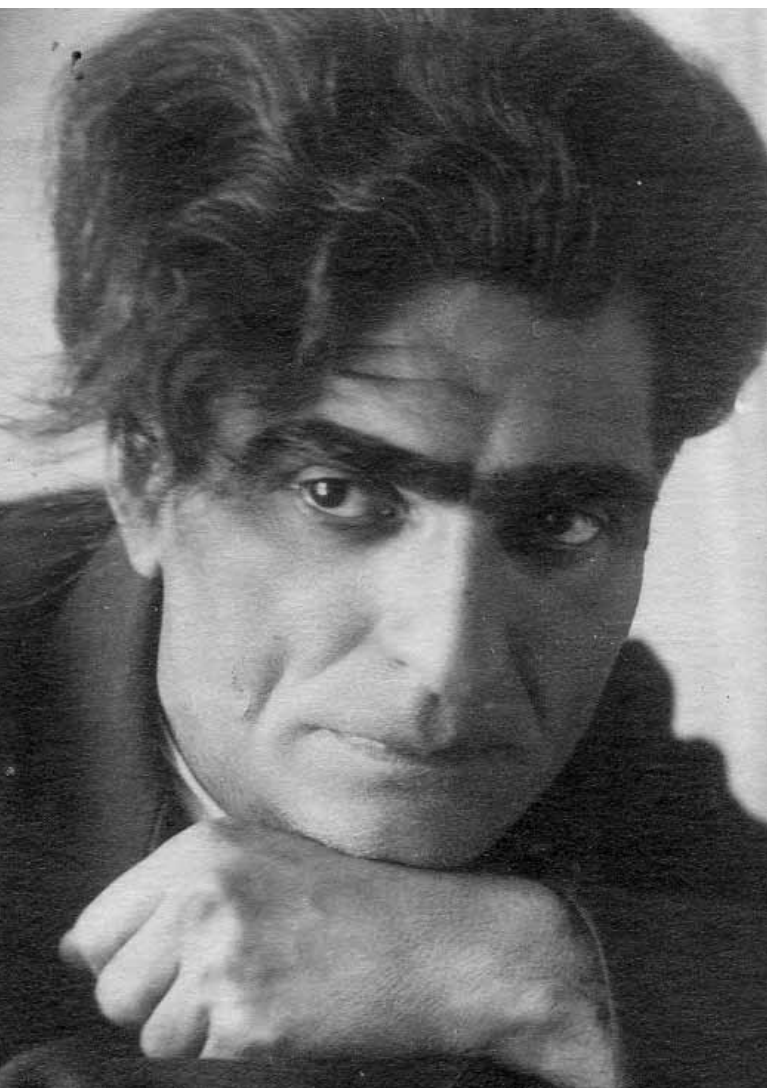

2 декабря 1958 г.

Не о малом, второстепенном, подчас ненужном и пустом, должен думать человек, а о главном. Когда ясно главное – ясно все и все устроится. Не работать – это значит умереть... Ничто на земле не требует к себе такого чистого отношения, как любовь и труд... Писать надо красками (живопись), и не только широкой кистью, но и тончайшим резцом (буйство красок и филигранность рисунка – это не парадоксально)...

Страшная штука музыка, страшная до слез! Человек живет, но умереть ему когда-либо суждено (смерть не была бы страшной, не будь она отталкивающей). Человек без горячего сердца не может быть истинным художником. «Детство», «Отрочество», «Юность». Лучше не скажешь. Автобиографично? Нет, эпохально... Какой-то сумбур мыслей сегодня. Усталость...

Интересная статья в журнале «Театр». Хорошо бы систематически вести дневник, записывать изо дня в

▲ Гамлет Назарьян

день все, что на ум взбредет...

Какая-то провинциальная сентиментальная девушка спрашивает тоном наигранного огорчения: «Почему любовь только в романах бывает?» В самом деле – почему только в романах?

Хочется хорошей музыки... Пришел он... грустный, нестриженный, с грязными ногтями и разбередил набо-

левшее сердце мне... Милый, милый! ...Перечитывал Блока и удивлялся... Диктор неправильно делает ударения, и это портит настроение. Бережное отношение к слову – одно из самых ярких выражений подлинного патриотизма. Позавчера смотрел цирк. Было немножко грустно, пахло смешанным запахом древесных опилок, краски и детства... Моего детства...

Тифлис! Город, любимый город моего детства. Старею я, но ты, ты... Ты жив во мне! Каждый дом твой, угол, дерево твое, вода твоя и воздух... Тифлис! Тифлис, город детства и счастья. Бессмертный город мира, столица прекрасной Грузии! Город, который покорял, влюблял в себя, ассимилировал и связывал с собой навеки!

Не знаю почему, но воспоминания о раннем детстве всегда ассоциируются во мне с лимонадом Лагидзе – вишневым, грушевым, яблочным. Маленькие бутылочки с этикеткой, на которой изображена голова грузинки в национальном головном уборе – лечаки. Янтарный, рубиновый лимонад. Бьет в нос. Несравненные вкусовые качества, благоухание несравненных грушевых садов. Дерево и солнце Кавказа. Какой лимонад, какой букет! Что это – наивность детства или секрет производства?..

С тех пор прошли десятилетия, я пил фруктовые воды в садах многих городов. Но нигде и никогда я такого лимонада не пивал. Нигде и никогда я не ощущал неповторимого вкуса и аромата тифлисского лагидзевского лимонада. Может быть потому, что это связано с воспоминаниями раннего детства, а, может быть, это волшебник Лагидзе? А, может быть, и то, и другое: аромат карталинских яблок, груш, вишен...

В киосках, где продают этот лимонад, посыпанные сахарным песком большие румяные пончики со сладким сливочным кремом, «тянучки», «ириски». Я до сих пор помню радужный запах пятикопеечных пончиков. И никакие шедевры кулинарии не сравнятся с этими грушевыми сладостями!

Я читал французов, я общался с ними. Я хорошо знаю нравы Латинского квартала и разнообразие блюд многочисленных кафе Монмартра. Но я не знаю ничего тоньше, изысканнее и ароматнее, чем духаны Тифлиса! Духаны, подвалы, щедро расписанные рукой Нико Пиросмани. Зной. Ступени. Столетняя прохлада, напоенная запахом вина. Дощатый стол. Чьи-то руки устали этот стол изумрудом виноградных листьев – в кабаке они еще дышат девственным трепетом виноградных лоз. Вино, холодное, ледяное и горячительное вино. Песни... Не молодящиеся старики, а молодые старики. Женщины. Органчики...

Огни, огни, огни... Будто титан, грузинский рыцарь Амиран Дареджани – овеществленный отголосок эллинского мифа о Прометее, поднялся на вершину горы и оттуда, с высоты, бросил на берега Куры неугасимые светочи радостей и дерзновений... Песенный, звонкий, сказочный мир моего детства...

Дудуки. Оровела. Лекури... Город мира (как Рим древних римлян). ... Город веселый, но не легкомысленный. Город музыки, песен, город дружбы, который пронес через все свою мудрость и неистребимое жизнелюбие свое.

Метехи. Громады Метехи над мутным водоворотом Куры. Дворец пышных празднеств, тюрьма скорби и печали, музей. Здесь нет казней, нет лжи и обмана...

Подъемлем же рог Гаумарджос! И Мравалжамиир – как тост, как здравица, как благовест, как утверждение жизни, как сама жизнь! Мравалжамиир – и

пусть произрастают колосья и травинки, пусть звонко смеются и беременеют девушки, и пусть ликуют и мудреют юноши...

22 июня 1977 г.

Годами записывал я внезапно возникавшие у меня мысли, образы, картины. Записывал на клочках бумаги, на открытках – на всем, что попадалось под руку. Записывал, думая о том, что когда-нибудь все это пригодится мне для новелл, которые мечталось написать. И вот сегодня решил перенести все эти разрозненные отрывки, все эти «на ходу» записанные образы и метафоры сюда, в эту тетрадь.

P.S. Стараюсь делать это упорядоченно, систематизировать заметки, сгруппировать их вокруг конкретных тем и сюжетов.

К ЭТЮДАМ О СТАРОМ ТИФЛИСЕ.

1. Букинисты у ступенчатой ограды Александровского сада. Продавцы и покупатели. Физика Краевича и «Тайны мадридского двора». Старые учебники. Поэзия. Пинкертоновиана. Сборники анекдотов о «восточных чловеках». Блудливые гимназисты и порнография.

2. Тифлис. Панорама города. Смешение языков. Многоязычные людские толпы. Пестрота названий улиц и площадей. В них – история, география: улицы Паскевича, Гудовича, Лорис-Меликова, Елизаветинская, Головинский проспект, Михайловский проспект, Воронцовская площадь. Эриванская площадь, Аббас-Абадская площадь. А на окраине – Лермонтовская, Пушкинская, Чавчавадзе, Грибоедовская.

3. Сады – Муштаид (в названии отголосок персид-

ского владычества). Александровский (в два яруса). Акации, струпья акаций. Скромно смотрящийся (стыдливо прячущийся в зелени) в пыльных кущах бюстик Гоголя в Александровском саду. Ботанический сад. Сады в Ортачала.

4. Архитектурный пейзаж Тифлиса. Памятник Воронцову (Толстой и Пушкин о нем). «Храм славы». Церкви. Сионский и Военный соборы. Больница Арамянца, дом Зубалова, дом Мелик-Азарьяна, дом Арамянца (отель «Мажестик»).

5. Рестораны: «Анонна», «Над Курой» (или «Эльдorado») с мрачной репутацией и номера для проституток. «Ужины» до утра. «Бомонд», «Химерион». Восточный кабачок «Тилипучури».

6. Театры – Артистического общества, Казенный, Народный дом Зубалова, Грузинского дворянства. Их репертуар. Театральные деятели.

7. Цирки Ефимова (Михайловский проспект), Ясиновского (Верийский спуск), братьев Танти (у Верийского моста). Клоун Диамо. Донато. «Четыре черта» под куполом. «Шари-вари» (своеобразные куверты прыгунов, головокружительный темп). Французская борьба. Арбитр Петр Елизаров. «Амплуа» борцов. Николай Вахтуров, Иван Заикин, Казбек Гора, Загоруйко, Клеменс – Климентий Вуль, Вейланд Шульц, Жан де Колон, Саид Крахура («индус» из Одессы или Житомира), Красная маска. Факир Бен-Али. Человек-аквариум. Бим-Бом. Гала-представление. Фокусники. Араго – «живая счетная машина», мгновенно множивший, деливший, извлекавший корни и возводивший в степени. Играет неврастника, пускает мистику (желтое лицо, глаза). «Транс». Наитие.

Буфет. Проститутки. «Шашлычок, шашлычок, с бадриджаном шашлычок» - рефрен к куплетам кинто

Месхишвили.

Шпрехштальмейстер (инспектор манежа) казался недостижимо счастливым человеком. Униформисты. Грабли. Гаснущие огни. И снова все после антракта залито светом. Яркие афиши с наездниками, клоунами, борцами. Непередаваемый запах цирка (опилки, навоз, пот и другое).

Девица Марго по прозвищу «Аэроплан». M-le Marго. Проститутка (офицерская). Человечность в ней. Ее больная мать. Ее забота о детях... Она одна, одна. И чопорные соседи глумятся над ней (судачат на всех этажах, отворачиваются демонстративно, ханжи), запрещают детям даже дотрагиваться до этой «швали».

8. Духаны (кабаки), расписанные щедрой рукой Нико Пиросмани. «Белая роза», «Райское место». Харчевни с европейской и азиатской кухней. Песни, музыка, сазандари.

9. Ованес Туманян. Тихая Вознесенская улица. Изредка прозвенит игрушечный вагончик трамвая №3 бельгийского общества. Тихая, безлюдная улица. Двухэтажный домик поэта, прилепившийся к горе. И сам поэт – высокий, слегка сутулящийся. Добрые глаза, подернутые акварельной печалью, грустью. Просто, но изысканно одет. Он и дети. Его друзья. Он любил Грузию.

10. Грузинские песни. Книжные магазины с неизменными портретами Руставели в витринах. Благородство, мягкость и экспансивность грузинского характера. Грузинские крестьяне. Утренний «мацони, мацони».

11. Мальчишки: «Халодни вада, тунелни вада!» Дарчо продает розы на Дворцовой площади, у пассажа, где мастерит фуражки кривой шапочник. Шарлатан из Одессы во фраке и цилиндре продает на Головинском проспекте панацею - средство от зубной боли. Работает «под американца».

12. Сын и жена известного архитектора. И сам он

– выхолненный, высокомерный и брезгливый – мазал губы, когда ... «возился с плебейскими мальчиками». На стенах его дома – живопись и графика.

13. Натюрморты на базаре: грузинский сыр. Фрукты. Чихиртма. Особо – пури – грузинский хлеб. Божественный запах свежеевыпеченного пури!

14. Сололаки и Авлабар. Кладбище Ходжи ванк.

15. Кинто. Муши (хамалы). Шарманки. Розы и крикливо-яркие попугаи. Органчики с попугаями. «Сербиянки».

16. Мои родители. Детство. Радости и печали. Жюль Верн. Майн Рид. Шерлок Холмс. «Побег в Америку». Школа. Учеба. Учителя. «Софьянна». На уроке Закона Божия: история с преподавателем и Каспийским морем. И... «Вон, негодяй» (описать попа).

17. Синематографы: «Лира», «Мулен-Электрик», «Палас», «Аполло», «Миньон» с портретами «королей русского экрана». Фильмы, которые здесь показывались: Мацист, пожирающий яичницу из десятков яиц, многосерийный американский детектив «Вампиры» с героем, пленявшим воображение, Ирма Вамп, Макс Линдер, ленты с неизменным Глупышкиным, глицериновые слезы Веры Холодной и так называемые «видовые» картины.

Таперы и таперши в синематографах. Молодящиеся старушки (они пахнут кошками и сыростью). Пшюты (франты) с черными глазами и нафабранными усиками.

18. Ученик Ваксман и его мать-прачка. У него в гостях. Подвал. Зеленые лица. Бедность из всех углов, но опрятность, любовь. Самоотверженность матери. Всегда опрятно одет, но не по годам серьезен.

19. «Бедный ученик» Аристакесян. Бадалян и Авазов.

20. Студия Србуи Лисициан.

21. «Тихий Дети».

22. Литературная богема. Анемичный поэт с боро-

дой фавна писал: «Я искал тебя среди жемчугов... Лилейных плеч...» Наивен. Странен. Стихи о ландышах и ссылки на лириков – он идет мимо жизни и не видит жизни. Плаксивый, патлатый поэт – преподаватель литературы. Его стихи, возбуждение и запах пота.

23. Писчебумажный магазин Матинянца, конфекцион братьев Альшванг, магазин бр. Миловых, роскошный ювелирный магазин «Соломон Кац», «Масло и молочные продукты» Чичкина, чай фирмы братьев К. и С.Поповых, караван-сарай Тамамшева (большой европейского типа пассаж на Эриванской площади по традиции сохранивший азиатское название).

24. Вывески, характерные для старого Тифлиса. Световая реклама шоколада «Эйнем». Серные бани. Воскресный базар-ярмарка. Извозчики. Чистильщики обуви. Кура. Мельницы на ней. Плоты.

25. Консерватория на Грибоедовской. А напротив – кулинарная школа «с отпуском вкусных и дешевых обедов на дом».

26. Окраины Тифлиса. Фабрика Адельханова. Лесопилки. Трамваи бельгийского производства, связавшие воедино все концы города – Ортачал и Авлабар, Навтлуги и Вера, Дидубе и Сололаки. Телефонные станции при почтовых отделениях с неуклюжими эриксоновскими телефонами.

27. Гостиницы – «Гранд-Отель», «Ориант», «Отель Ной», «Кавказ», «Лондон». Меблированные комнаты

и «семейные» номера.

28. Армянский базар. Татарский майдан. Шайтан-базар. Дезертирский базар...

К сожалению, ни задуманные новеллы, ни «тифлисская» трилогия так и не были написаны, хотя отец многократно возвращался к своим замыслам. Причину этого следует видеть как в социальной среде, так и в нелегкой личной судьбе этого щедро одаренного человека.

ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАДУМАННОМУ РОМАНУ

...Я пил вино. Пил отроком, робко касаясь чаши в кругу седоусых патриархов; пил юношей, расплескивая щедро неповторимую весну бытия; пил, шагая к порогу старости под горестным грузом несбывшихся надежд.

То пьянящее как прикосновение женщины, то золотое как расплавленный янтарь мечтаний, то густое и пахучее как настоявшаяся мудрость – лилось в мою кровь вино и вскипали в крови у меня безымянные страсти поколений, трудом и тленьем которых возвращены виноградники на этой древней земле.

Воинственным кличем ратников и бесстрастным голосом летописцев; безрассудностью бражничающего бродяги и скупой степенностью мудрецов; ужасом бессмысленных разрушений и неукротимым гением созидания – kloкотала в жилах пьяная кровь и стучалась в сердце многоликостью отзвучавших времен...

Тысячелетия... По древней земле этой прошли в беге дней ассирийские пращеметатели и арабские копьеносцы, конница Дария и полчища Чингизхана, тяжеловесные легионы Рима и летящие колесницы эллинов, свирепые орды сельджуков, османов, Тамерлана...

Народ. Свет и тени веков. Противоречия. Солнечные тропы и безысходный мрак столетий. И будто все это несешь в себе.

Судьбы страны и человека (историческая жизнь народа в веках, взлеты и падения, ошибки предков, горечь этих ошибок).

Он ведал (человек – в десятилетиях, народ – в веках) горечь чужого хлеба и отраду куска заработанного честным трудом. Он видел белозубые улыбки невест и гниющий оскал старости. Мудрость в рубищах нищеты и самодовольную тупость в парчовых одеяниях. Ликующую песнь за пиршественным столом и надрывный плач вдов над гробом. Цветенье миндаля и молчаливую скорбь листопадом тронутых садов. И еще, и еще. Как много видел, как много переживал! И все это осталось в извилинах мозга, в глазах, в беспокойном сердце его!

Родина! Пенные гривы твоих в каменных гривах неистовствующих рек. Неизреченная синь твоего неба. Голубые озера. Ивы над водами как печальницы (странницы, девушки, истосковавшие по любимым). Обрушивались в неукротимой ярости водопады. Неумолчный рокот невидимого водопада. Мутные валы реки с вскипающей гневной пеной... Кровью столетий омытые камни.

Ночь. Пастух играет на свирели. И на свирельный зов пастуха шла пугливой горной ланью дева, ловя биение собственного сердца (она шла по кремнистой горной тропе во мраке). Выси гор. В облаках скользкий месяц.

Облик пастуха. Бурка. Горы. Доли. И отголоски песни (эхо). И плывут облака как отара кудрявых ягнят (овец). Жизнь в веках, в прошлом должна была быть очень тяжелой, чтобы труженик апеллировал к громадам гор.

Огромные сторожевые псы (волкодавы, любовь пастухов к ним). И орлы в небе (поднебесье). И студеные горные ключи (родники). И девушки с тонкогорлыми кувшинами на плечах. И сквозь века (будто вода ручьев, пробивающая мшистые скалы) просачивающиеся предания глубокой старины...

Рубен НАЗАРЬЯН

СЕРИЖА

Чрезмерная мечтательность одиннадцатилетней Серижи настораживала окружающих. Родителям поначалу казалось, что у дочери проблемы со слухом, ведь она смотрела на всех с чуть приоткрытым ртом, будто не понимала, о чем говорят окружающие. А мимика оставалась одинаковой при беседах о грусти или радости. Но врач после обследования отрицательно покачал головой: подозрения не подтвердились, у девочки все хорошо. Серижа продолжала носить маленький блокнотик, в который записывала странные мысли. На одной странице как-то написала: «Червяка убили». Соседка, зайдя за солью, случайно заглянула в блокнотик. Увидев запись: «Увака убили», она пришла в ужас. Вечером, придя выразить соболезнование ее родителям, столкнулась с всеобщим хохотом. А Серижа подумала про себя: «Если Увака убили, то почему им так весело?»

Посоветовали народного целителя. Съездили в отдаленное село. За их машиной долго тянулся длинный шлейф из пыли, с правой стороны возвышались горы, а с левой – пропасть. В отдалении чабаны в папахах взирали по-философски на мир. Люди там никуда не спешили. Могли сидеть часами на лавочках, разговаривать или перебирать четки. Обсуждали тех, кто рано повыскакивал замуж или женился, а тех, кто сидит дома, обзывали «старыми девами или засидевшимися холостяками». Если «девы» где-то работали, то оскорбительно и грозно восклицали: «Карьеристки!» Их волновало, почему у замужних девушек не появляются дети, а если и появляется ребенок, то почему не два, а если второй появился, то почему не три? Но если детей много, то почему родителям они понадобились в таком большом количестве? Если мать устроилась на работу, то все равно – «карьеристка», которая не хочет быть с семьей. А если мать нигде не работает и смотрит за детьми, то «нахлебница». Это и было их главным объектом обсуждений. Поэтому появление машины, несущейся на большой скорости, насторожило и вызвало буйное любопытство.

Тем временем Серижа усердно изображала курносого пятачка, прижавшись личиком к стеклу машины. А родители звали целителя у двухэтажного желтого дома,

похожего на замок, с огромными воротами, на которых была надпись мелом: «Продается».

- Бакарбе-е-ек! Во-о-о, Бакарбе-е-ек!

Папа Серижи в кожаных черных брюках, кожаной рубашке, распахнутой на груди и кожаном плаще до колен. У него был кожаный бизнес – собственный мини-завод по переработке шкур. Еще он повторял, что в Чечне можно заработать много денег: «Просто людям лень наклониться и подобрать». Кучерявые волосы до плеч и квадратные усы до подбородка. В правой руке догорала сигарета из пачки «Космос». После каждого оклика жены, тихо и отрывисто бормотал под нос: «Тьфуй, елки-палки». Доставал из кармана обувную щетку и тщательно вычищал остроносые туфли-казачки. Рядом стояла мама Серижи, обтянутая тигровым платьем, украшенным стразами. Непокорные пряди кучерявых волос выбивались из-под небольшой косынки. Когда ветер дул сильно, то задний уголок косынки поднимался вверх и напоминал настоящий кокошник. На ее шее висели три золотые цепочки, все пальцы унизаны золотыми кольцами, почти как у рэперов в американских клипах. В руках она держала кошелек.

Наконец, откликнулась румяная женщина, с тучной фигурой, которая почему-то улыбалась, поливая из оранжевой лейки китайские розы на балконе. Она весело указала пальцем на серый дом за облезлой калиткой, расползшийся напротив.

Седовласый старик вышел из каких-то густых, иссохших и спутанных зарослей огорода. Настороженно, с ног до головы, оглядел маленькую Серижу, сквозь морщинистые веки. А она все продолжала смотреть с приоткрытым ртом. Потом дед пожал ей руки, которые оказались холодными.

- Хм... будущая свекровь будет холодна по отношению к тебе, - отметил старик. Девочке вместо «свекровь», послышалось «свекла». Поэтому ей показалось странным, почему ее должно волновать, как к ней относится свекла?

Попросил высунуть язык, оттянул нижнее веко и внимательно взглянул на белок. Пару раз моргнул, шепотом что-то повторил и тяжело вздохнул. Затем поспешил к дому с камышовой крышей, стены которого были побелены известью, чрезмерно разбавленной синькой. Родители переглянулись. Он снова появился с маленькими трубочками высушенной крапивы и настоятельно порекомендовал выкуривать четыре раза в день после еды. Видимо, ему показалось, что у девочки проблемы с легкими и от того, что ей не хватало воздуха, она пыталась компенсировать дыханием через рот недостаток кислорода. Родителям такая логика понравилась и вполне даже устроила. Мама Серижи поспешно достала из кошелька тысячную купюру и стала совать в карманы старца, не смотря на то, что тот отговаривался, утверждая, что работает бесплатно, исключительно ради Аллаха. Но маму невозможно было унять.

Теперь, когда все дети во дворе бегали за мячиками и прыгали на скакалках, Серижа не просто смотрела на них с раскрытым ртом, но им иногда покуривала крапиву.

- Куришь? Хорошо. Перед сном еще не забудь покурить, - одобряюще кивала мама, а дочь удивленно смотрела то на нее, то на дым, и все казалось вокруг настолько необычным.

Но с каждым днем эта непонятная болезнь прогрессировала. На десятилетие, после задувания свеч, вместо поедания торта Серижа с аппетитом, причмокивая, слопала свечи. Родители еще как-то могли смириться, когда вместо платья Серижа обвязывала шарф вокруг тела и

выходила на улицу, накинув сверху платок. А когда ее послали за профессиональными ножницами, то беспорядочно отстригла все волосы и, тихо напевая под нос «фля-фля-фля», возвратилась домой. Но когда она посыпала сахаром кухню и заявила, что вызывает снежную бурю, то ничего не оставалось, как принять крайние меры.

Родственники отвезли ее к мулле, который проверил ее на присутствие или отсутствие джиннов. Когда ничего не обнаружилось, настойчиво попросили продолжить поиски еженедельно, пока не удастся добраться до них. Быть может, они притворяются, что не слышат. При каждом посещении, мулла бил небольшой палкой – «сивак» - по ее хрупкому тельцу и читал молитвы. Серижа уже больше года пила специальную, заговоренную муллой воду, где на дне лежали обрывки бумаги со священными молитвами на арабском языке. Под одежду ей прикрепили булавкой несколько амулетов в форме небольшого треугольника или квадрата в кожаном переплете. А под подушку клали ножницы и ножик, чтобы отпугнуть нечистую силу. Девочка стала еще менее понимать окружающий мир.

За одной партой Серижа сидела с мальчиком, который тоже смотрел на всех с приоткрытым ртом. Красил небрежно розовым лаком ногти, а в его тетради учительница аккуратно писала: «Дуб дубом!» Родители сетовали: «Ничему не учат в школе, только умничают!» И мальчик верил им. Он как-то признался, что пытался досчитать до ста, но так и не смог, потому что наступило утро и ему захотелось спать. Он постоянно рассказывал длинные истории, даже во время урока. Учитель как то не выдержал и выпалил:

- Что пусто, то всегда звенит!

Может быть, эта фраза и повлияла на Серижу, и она поэтому предпочитала молчать. И, наверное, она раскрывала рот, когда хотела что-то сказать, но пустой... совсем не хотелось быть... Через несколько лет мальчика перевели в школу для умственно отсталых детей. Но его фотография как худшего ученика еще долго не сходилась со стенда, где он запечатлен с раскрытым ртом. И к Сериже подкрадывались тревожные мысли, что может быть и у нее что-то не в порядке с головой.

Но у старшей сестры она часто видела на обложках глянцевого журнала тетя с приоткрытыми пухлыми губками. Она осознала, почему моделей всегда называют глупыми. Сестра, как ей казалось, вела себя очень странно. После окончания занятий в университете она забиралась на свою двуспальную кровать, заматываясь в тигровый плед как в кокон, надевала наушники и рассылала смайлики в виде кошек разным незнакомцам, а незнакомцы слали ей в ответ смайлики в виде собачек с сердечками вместо глаз. И сестра почему-то очень сильно радовалась им. Каждый день по несколько часов примеряла она разные платья, кофты, юбки и фотографировалась на мобильник. А когда наносила тушь на ресницы, то приоткрывала рот, как Серижа, но ее почему-то не считали больной. Однажды, выпорхнув из кокона, сестра превратилась в бабочку и была свадьба. Серижа сильно удивилась, когда новорожденному младенцу сестра небрежно измазала копотью щеки и носик.

- Это от сглаза, - умиленно пояснила сестра. Странно, но когда Серижа измазала себя копотью и несколько перьев воткнула в волосы, то домашние обозвали ее «индейцем» и попросили быстро все смыть и выкинуть перья. Невероятно, взрослые делают то же, что и дети, но умеют все преподносить по-своему. И почему же тогда плохо быть индейцем? Серижа тогда поняла, что с ней на самом деле все в порядке, просто что-то очень странное

происходит с остальным миром. И от такого вывода ей стало на душе светлее.

Ее старший брат Исхак... нет, он не ходит с раскрытым ртом... Исхак в ичкерийское время победил на школьной Олимпиаде по химии, тогда еще в городе Джохар. И грамоту с денежным конвертом ему вручал Министр образования Ичкерии. Не переставая визжать от радости, Исхак попросил автограф у него, и несколько месяцев все родственники и знакомые с гордостью ликовали и показывали автограф всем. Во вторую чеченскую войну, они сожгли этот автограф и попросили всех родных особо никому не распространяться, так как во время обысков федералы могли учинить проблемы. Исхак не стал Менделеевым. После окончания университета он устроился учителем химии в школе. Максимум, чего он добился – победил в районном конкурсе учителей.

- Серижа, - с взъерошенными лохматыми волосами почти кричал Исхак. Его глаза были настежь раскрыты, казалось, что он знал намного больше, чем все. Он как будто бы дирижировал. - Скоро я придумаю... придумаю... нержавеющей металл для подземных труб. Ты не можешь себе представить, что тогда будет! Государству... (как будто Серижа знала, что это такое) не придется тратить деньги, чтобы их постоянно менять.

Серижа не понимала, почему он так беспокоится о подземных трубах. Странное поведение брата ее сильно тревожило. Особенно его невеста с чуть приоткрытым ртом, изображение которой высвечивалось на экране мобильного. Исхак пообещал невесте подарить кольцо с бриллиантом, но так как учительской заработной платы не хватало, он решил подзаработать летом во время отпуска. Каждый день он очищал кирпичи в развалинах заброшенных и разрушенных домов и сдавал их перекупщикам. Но однажды сработала мина в одном из таких зданий и брат погиб. В семье все знали о мечте Исхака – подарить бриллиантовое кольцо своей невесте. На семейном совете было решено подарить девушке кольцо в память о погибшем женихе. Мобильник отдали Сериже. Но она не захотела им пользоваться, сама не понимая, почему.

Серижа долго не могла прийти в себя: трагическая смерть брата сильно повлияла на нее. Поверх ее рыжих кучерявых волос повязали платок. Все зеркала в доме мама покрыла плотной тканью, пока не закончатся похороны. Родители были в замешательстве, они не представляли себя без Исхака. Для кого они построили дом? Кто будет жить в нем после их смерти? Если раньше родители были уверены в том, что происходит вокруг них и что им делать, то сейчас они находились в полном недоумении. Удивленно и растерянно смотрели они на окружающих, чуть раскрыв рты. Удивленно и растерянно, чуть раскрыв рот, смотрели они на окружающих. А Серижа наоборот, плотно закрыла рот, потому что осознала, что только она сможет им помочь справиться с обрушившейся на них бедой. Она собрала, оставшиеся крапивные трубочки и выбросила.

Ася УМАРОВА
Чеченская Республика

УЧИТЕЛЬ БЕССМЕРТЕН

Для многих людей самое счастливое время – период студенчества. Alma mater, захватывающие лекции, любимые профессора... Одним из наиболее ценимых и уважаемых в Грузии (и не только!) был профессор Тбилисского государственного университета имени И.Джавахишвили, литературовед, сонетолог, библиофил, педагог Константин Сергеевич Герасимов. Автору этих строк навсегда запомнились его специфический прононс и аристократические манеры. А главное – удивительная доброжелательность к студентам, горячее желание поддержать даже маленькое проявление таланта и незаурядности... Он ценил в людях то, чем сам был наделен в высшей степени.

Совсем недавно ученики, друзья и коллеги Константина Сергеевича собрались в малом зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова на вечерне-презентации книги «Посвящение». Она завершает трилогию, посвященную жизни и творчеству К.С. Герасимова (проект Международного культурно-просвети-

тельского Союза «Русский клуб», руководитель проекта Николай Свентицкий; проект реализован за счет гранта, предоставленного фондом «Русский мир»). В ее первую часть, «Возвращение», вошли поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, а также воспоминания коллег и учеников К.Герасимова. Вторая под названием «Из глубины» - это репринтное издание сборника стихов, вышедшего в свет в 1992 году еще при жизни Константина Герасимова. В третью книгу включены воспоминания авторов-составителей сборника, поэма-феерия Константина Сергеевича «Посвящение», описание архива и комментарии к нему, а также полный каталог архива.

Романтическая поэма-феерия «Посвящение» - это роскошная «пища» для филолога-гурмана, специалиста по стихосложению, поэта, словом, для подготовленного читателя, обладающего немалой эрудицией в разных областях гуманитарной науки, мифологии, религии. «Посвящение» - это, по сути, отражение мистического пути самопознания, который проходит человек. Чем-то даже сродни дантовской «Божественной комедии», да простят мне это сравнение с величайшим произведением мировой литературы. Поэма публикуется впервые и дополнит представление многих о Герасимове-поэте. Можно себе вообразить, с каким наслаждением Константин Сергеевич работал над этим произведением – плодом ума и сердца!

Трилогия, возвращающая эту яркую личность в поле нашей духовной, интеллектуальной жизни, - заслуга любимых учеников Константина Герасимова: филолога, литератора, журналиста Нины Зардалишвили-Шадури и поэта, переводчика, журналиста, доктора филологии Владимира Сарисвили. Они проделали гигантскую работу для того, чтобы наследие Константина Сергеевича увидело свет.

- Моему поколению выпала на долю большая удача – быть студентом кафедры русской литературы Тбилисского государственного университета, считавшейся одной из сильнейших на русскоязычном пространстве. Но даже на фоне блистательного созвездия ученых и

педагогов Константин Сергеевич Герасимов выделялся не только глубочайшими познаниями, но и манерой подачи материала – глубокой, артистичной и аристократичной, - рассказывает Владимир Сарисвили. - В нем не было спеси, но было столько не привнесенного, а врожденного благородства, что даже близких друзей не тянуло фривольно похлопывать его по плечу. Записные книжки К.С. Герасимова – это уникальный драгоценный сплав набросков и впечатлений, тонких и метких ремарок и замечательных по глубине и лаконичности примечаний. Все это вкупе с пометками, открывающими личные пристрастия и антипатии профессора, так и хочется назвать «романом в комментариях»... Рискнув быть неоднократно дополненными, позволим себе все же контурно очертить круг интересов их автора: история и теория литературы, этика и эстетика, философия искусства и философия как таковая, архитектура, музыка, изобразительное искусство, религия, психология творчества и социальная психология и даже спорт. Константин Сергеевич вел уникальные спецкурсы – «Русская философская поэзия», «История научной фантастики», «Психология художественного творчества». Цикл лекций по «Истории книги» профессор Герасимов читал более четверти века.

- Мною владеют противоречивые чувства, - призналась Нина Зардалишвили-Шадури. - С одной стороны, это большая радость: завершен огромный труд, который продолжался пять лет. Пять лет мы занимались архивом, классифицировали, описывали его. Горько, когда замечательное, радостное, светлое дело завершено. Но все-таки радость перевешивает, потому что мы понимаем, что дали этим уникальным материалам, имеющим историческую, научную, интеллектуальную ценность, путевку в жизнь. Я не сомневаюсь, что архив, которые мы передали в Национальный центр рукописей, не будет лежать мертвым грузом. Он будет востребован. Эти папки с документами будут открывать пытливые исследователи, пишущие филологи, творческие люди. Потому что архив представляет собой россыпь идей – художественных, творческих, научных. Как говорится, бери и пользуйся. Но в виду того, что мы этот архив описали, издали, зафиксировано первенство Константина Сергеевича в ценнейших идеях, разбросанных по всему архиву. Я хочу обратить внимание собравшихся на удивительный факт. Уже восемнадцать лет Герасимова нет с нами, но имя его живо. Его вспоминают, цитируют, рассказывают какие-

то истории, случаи, связанные с ним. То есть он стал играть судьбоопределяющую роль для очень-очень многих – поэтов, филологов, исследователей. Особый был человек. Поэтому мы горды, что смогли вернуть свой долг нашему учителю тем, что издали его труды. Хочу отметить, что трилогия была издана по личному благословению Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II, с которым Константин Сергеевич был дружен. С которым он и сотрудничал: выпустил не одно поколение слушателей Духовной семинарии и Духовной академии, где тоже преподавал. И для нас особенная радость, что презентация третьей книги совпала с юбилеем Константина Герасимова. Тираж издания достаточен, чтобы передать книгу в ведущие библиотеки, на гуманитарные факультеты. Какую бы книгу, фундаментальное исследование или компактную научную статью по сонетологии мы не взяли, ни одна не обходится без ссылки на труды Константина Герасимова. Вклад его не оценим, современен, потому что все его исследования были оригинальными и авторскими, целый ряд научных концепций, выстроенных им в сонетологии, оказались абсолютно первозданными.

Свое отношение к Герасимову тонко выразила филолог Марина Джикия:

- Ученый, поэт и библиофил принимал участие в вечерах грузинского литературного театра «Золотое руно». Шота Руставели, царица Тамар, Тициан Табидзе, Александр Блок, Андрей Белый... Когда Константин Сергеевич Герасимов говорил о филологии, мы встречались со светом, ибо в нем было духовное Солнце. Нам нравились его утонченные и умные выступления, мысли и взгляды, интонации, жесты и паузы. Он окрылял нас, ибо в нем была любовь к прекрасному и возвышенному. Мы любили его низкий каменный дом с белыми ставнями, где царил дух высокой русской культуры, дом, который носил печать блестящего филолога-русиста. Мы любили его супругу Нателу, мохевку по матери, которая несла в себе мохевскую гордость и чистоту. Константин и Натела, любовь к вам, к вашему дому, навсегда осталась в нас. Низкий дом с белыми ставнями, не забыть нам тебя никогда!

Марина Джикия познакомила собравшихся с письмом-соболезнованием Ниты Табидзе, обращенным к супруге К.С. Герасимова – Нателе. В нем есть такие строки: «Для нас незабываемы его литературные исследования, сонеты, ораторский талант, понимание прекрасного и зачарованность поэзией. Мне хотелось бы, чтобы все литераторы относились к поэзии с той священной жертвенностью, с какой относился к ней Константин Герасимов».

- Тициан Табидзе свое эссе о Льве Толстом заканчивает так: «Лучи заходящего солнца осветили нас, Ясную поляну и могилу Льва Толстого. И мы прощаемся с Ясной Поляной. Но разве с Ясной Поляной может попрощаться человек, коснувшийся ее духа?» Мы, грузины, воспитанные на мудрости и красоте Шота Руставели и Важа Пшавела, Константина Гамсахурдиа и Григола Робакидзе, коснулись духа Льва Толстого и Ивана Тургенева, Александра Пушкина и Михаила Лермонтова, Александра Блока и Константина Бальмонта, мы коснулись духа Андрея Белого и не сможем попрощаться с ними. Мы, воспитанные на древних грузинских фресках и палитре Нико Пиросмани, коснулись полных совершенства и духовной красоты икон Андрея Рублева, Демона Михаила Врубеля, мистических рябин и берез Михаила Нестерова и не сможем попрощаться с ними. Мы, воспитанные на языческом сванском

▲ Н.Зардалишвили-Шадури и В.Саришвили

гимне солнцу «Лилео», на языческих колхидских песнях «Ов нана!», «Чела», «Одойа», услышали перезвон колоколов церковей Древней Руси и не можем забыть этого перезвона. Да здравствует Солнце! Да скроется тьма в русско-грузинских культурных отношениях! - так завершила свое выступление на вечере К.Герасимова Марина Джикия.

Очень эмоциональным, окрашенным юмором и одновременно пронизанным горечью было выступление профессора ТГУ им. И.Джавахишвили Нодара Поракишвили.

- Однажды, во время дружеского застолья, Константин извлек из своего знаменитого портфеля щепку и сказал: «Приглашу всех в лучший ресторан, если вы угадаете, откуда эта щепка». «Самсонову загадку» мы не разгадали, и тогда Герасимов объявил, что щепку эту втихаря, во время экскурсии, отодрал от крейсера «Аврора» и подарил ему наш приятель Рафик Эдзубов. Теперь эта реликвия у меня, и раз уж существует в Тбилиси Музей оккупации, думаю отнести ее туда», - смеясь, рассказал Н.Поракишвили.

Вспоминал Константина Сергеевича Владимир Чердениченко – еще один ученик Герасимова, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии гуманитарных наук. Он отметил, что Константин Герасимов творил не в безвоздушном пространстве – рядом с ним были подлинные личности, создававшие особенную интеллектуальную и духовную атмосферу. То была кафедра, память о которой жива в сердцах всех, кто переступал ее порог. Это была не просто территория – это была нематериальная субстанция, игравшая заметную роль в сознании не одного поколения тбилисских филологов-русистов.

Филолог, художник Виктория Попова, которой удалось оформить прижизненный сборник стихов К.С. Герасимова «Из глубины», говорила о том, что Константин Сергеевич обладал удивительными человеческими качествами.

- Нам очень дорог этот человек – незаурядный ученый, поэт. Но мы потеряли в лице Герасимова не только ученого и поэта, но и личность огромного масштаба. Он жил не для себя, у него были нравственные нормы, которые сейчас во многом потеряны. А Герасимов устанавливал свои мерки для себя и под эти мерки тянул тех, кто имел счастье входить в его окружение – студентов, коллег, друзей. Он настолько глубоко внедрил в нас эти нормы, что мы не имеем права опуститься ниже этого нравственного императива... Константин Сергеевич был вечно занят устройством чужих

судеб, поддерживал тех, в ком видел искорку таланта. Давал направление, и это сыграло судьбоносную роль в жизни очень многих людей. Сейчас невозможно перечислить имена всех тех, кто достиг каких-то высот и в науке, и в культуре, и просто в человеческом общении. Герасимов как эстафету передал нам эти личностные качества. Он бережно, нежно относился к тем, кто в тяжелые времена был ограничен в своих финансовых возможностях, но, сам голодая, не имея средств к существованию, по-отечески старался даже подкормить тех, кого он считал необходимым поддержать. Константин Сергеевич успевал многое – читать лекции, работать над своими статьями, редактировать чужие, отслеживать научную литературу, открывать воскресную духовную школу, читать лекции в Духовной акаде-

▲ Передача архива Гоче Саитидзе

мии, общаться с католикосом-патриархом всея Грузии Илией II, поддерживать поэтический клуб, созданный им при университете, состоять в Славянском обществе да еще и хлопотать о ком-то.

Запомнилось выступление художника, поэта Анны Лобовой, рассказавшей о лекциях Константина Сергеевича. «Это была магия, волшебство, а не рутинная оттачивание текстов, как это иногда бывает. Я прикоснулась к легенде! Благодаря ему, я поверила, что могу писать». По-другому – через поэзию – выразила свое отношение к учителю филолог, драматург, поэт Ирена Кескюль. В ее исполнении прозвучали стихи Константина Герасимова, а также раннее произведение самого оратора, посвященное учителю и написанное под его влиянием.

Под занавес архив Константина Герасимова был передан доктору исторических наук, ассоциированному профессору Тбилисского государственного университета им. И.Джавахишвили, руководителю Архивного департамента Национального центра рукописей, заместителю руководителя Научно-исследовательского центра истории грузинской государственной и народной дипломатии Гоче Саитидзе. Авторам-составителям, Нине и Володе, было грустно расставаться с архивом, и они едва скрывали свое волнение... Но при этом осознавали, что архив Герасимова должен стать достоянием широкой общественности.

Концерт авторской песни с участием Роба Авадяева, Ирины Парошиной, Ники Джинчарадзе, Георгия Чкония, Вахтанга Арошидзе завершил этот насыщенный приятными эмоциями вечер.

Соб. инф.

▲ Валентина Воинова

ПРОЩАНИЕ С АКТРИСОЙ

Не стало заслуженной артистки Грузии Валентины Ивановны Воиновой. Она ушла из жизни буквально на следующий день после дня рождения – актрисе исполнилось 76 лет... В последнее время Валентина тяжело болела, что не мешало ей быть как всегда внимательной, сердечной по отношению к окружающим. «На редкость светлый и гармоничный человек, испытанный друг», - таково было мнение тех, кому посчастливилось общаться с Валею Воиновой.

Валентина Ивановна Воинова принадлежала к племени грибоедовцев старшего поколения, войдя в труппу театра более полувека тому назад. Ей было тогда всегда лишь 22... За пятьдесят лет (в последние годы Валентина Ивановна не выходила на сцену по состоянию здоровья) актрисой было создано множество ярких образов, о которых вспоминали даже спустя годы. В спектакле по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Валентина сыграла Авдотью Романовну. «Зрители любовались ее тонкой подвижной фигуркой, выразительной внешностью, поэтичностью. А сцена с неподражаемым Анатолием Смираниным в роли Свидригайлова была исполнена на высоком эмоциональном уровне», - читаем в одном из откликов. А вот оценка других ролей: «Сколько увлекательного, захватывающего было в спектакле «Моя старшая сестра» А.Володина, где Воинова запомнилась зрителям в роли обольстительной Колдуньи. Не забыть и кокетливую, зажигательную, с грациозной походкой и лучезарной улыбкой, секретаршу Верочку в спектакле «Сослуживцы» по пьесе Э.Брагинского и Э.Рязанова. А сколько было озорства, прелести в трогательной

Михайне Алмаши по прозвищу «Мышка» в спектакле «Кошки-мышки» И.Эркена».

Актрисе довелось работать с известными режиссерами. Среди них – А.Рубин, С.Челидзе, Г.Лордкипанидзе, К.Сурмава, П.Фоменко, А.Товстоногов, М.Кучухидзе, Г.Жордания, Г.Кавтарадзе...

Валентина Воинова запомнилась зрителям и в спектаклях более поздних лет. В постановке художественного руководителя театра имени А.С. Грибоедова Автандила Варсимашвили по произведениям А.Чехова «Жизнь прекрасна!» актриса выступила в роли назойливой просительницы госпожи Щукиной в новелле «Беззащитное существо» в дуэте с актером Рамазом Иоселиани. Используя краски гротеска, актриса создавала яркий, узнаваемый образ внешне жалкого, а на деле упорного, цепкого «существа», готового пойти до конца для достижения своей цели. В спектакле А.Варсимашвили «Рашен блюз» Валя сыграла простую русскую женщину, на долю которой выпало много горя и страданий. И вот очередной удар судьбы – самоубийство дочери, которую она не сумела уберечь от зла, и теперь будет до конца жизни нести крест своей вины.

В «Тартюфе» Мольера в постановке Алекси Джакели актриса перевоплотилась в образ любопытной, бой-

▲ С Натальей Бурмистровой в спектакле «Кошки-мышки»

кой Дорины. А позднее приняла участие в грузинском спектакле вместе с актерами руставелевского театра – это были «Провинциальные анекдоты» А.Вампилова в постановке Торнике Глonti. И Валя была счастлива, что у нее есть возможность выходить на сцену в новых спектаклях, работала с самоотдачей, помня, что «нет маленьких ролей, а есть маленькие актеры»... Творчески интересно проявляла себя актриса и в спектаклях для детей: «Принцесса и свинопас» Г.-Х.Андерсена, «Морозко» по мотивам русской народной сказки, «Чиполлино» Дж.Родари.

Увы, болезнь помешала Валентине Воиновой продолжить театральную карьеру, сыграть новые роли, достойные ее актерского дара. Валя очень переживала разлуку с родной сценой. Долгое время в гримерке оставалась ее косметичка, терпеливо дожидаясь хозяйки. Не дождалась...

*Тбилисский государственный академический
русский драматический
театр имени А.С. Грибоедова,
Международный культурно-просветительский
Союз «Русский клуб»*

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

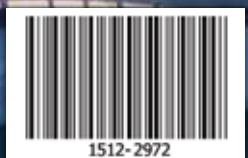
KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

1512-2972